

СЕМЕН АФАНАСЬЕВ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОХОТА

АРИСТОКРАТОВ

НА КЛОНОВ И НЕ ТОЛЬКО

Семён Афанасьев

Охота аристократов, на клонов и не только

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69581779

SelfPub; 2023

Аннотация

Рождённому через государственный пробирочный инкубатор затевать конфликты с чистокровными – не лучшая идея. Однако зачастую проблемы идут с той стороны без твоего участия, просто потому, что у тебя есть что-то, им нужное. Такое, что для них может стать смертельно опасным. Чистокровные – как правило менталисты, могут читать твои сознание и память и даже менять их. Бац – и ты уже слюнявый идиот и растение либо, в лучшем случае, не помнишь последних суток. И долги у тебя на ровном месте могут возникнуть самые настоящие, если к примеру с принадлежащего тебе сервиса исчезнет чужая машина, оставленная под твою ответственность.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	61
Глава 6	80
Глава 7	93
Глава 8	106
Глава 9	122
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Семён Афанасьев

Охота аристократов, на клонов и не только

Глава 1

Ночной клуб "БАВИЛОН". Слоган на логотипе: "Место, где все РАВНЫ".

Дверь офиса упала внутрь вместе с фрагментами косяка – снаружи ударил ногой кто-то из чистокровных. Хвалёный пластик НОВОТЕХА был явно не рассчитан на противостояние мышцам, которые усилены ментальным импульсом.

– Лишних нет, – проскользнувший ужом первый член группы выдал диагноз остальным быстрее чем за секунду. – Только этот.

Следом вошли ещё четверо.

– Чем обязан? – сидевший за столом и работавший директор заведения (он же единственный владелец, но об этом знали далеко не все) удивился, но не разнервничался. – Эй, зачем двери ломать?! Шесть утра, в здании никого, я специально оставил всё открытым!

Нападавшие переглянулись.

– Дверь кабинета наружу открывается, – сидевший за столом подвигал бровями вверх-вниз. – Повернуть ручку и дёрнуть на себя, вы от себя толкали. Зачем? Я же видел, как вы поднимались с первого этажа, – он указал взглядом на виртуальные мониторы вдоль стены. – Менталисты сраные, – пренебрежения в голосе было хоть отбавляй.

Судя по количеству точек контроля, здание крылось камерами безопасности полностью и с перехлёстом секторов.

– Он не боится и что-то задумал. – Вошедший первым, очевидно, был сенсором по специализации: профессиональные и клановые татуировки скрыты одеждой, но что-то такое сквозило.

Директор клуб обратился к шедшему третьим, безошибочно определив главного:

– Раз уж вы вошли так эффектно, давайте сразу к делу. Если это попытка договориться, слушаю вас внимательно. Если же...

Договорить он не успел. Один из пятёрки, корректор не низкого ранга, принялся работать без перехода.

Взгляд владельца заведения остекленел, расфокусировался, глазные яблоки принялись вращаться по независимым орбитам.

– Сопротивляется. Давлю. – Просипел работающий.

Было заметно, что он напрягается: тремор пальцев, испарина на лбу. Кроме того, ему сейчас ассистировали ещё двое из группы. Один из них тоже отозвался через пару секунд:

– Надави. Тяжело идёт, сильный.

Там же, через несколько минут.

– Сука, еле справился. – Первый корректор сидел на столе и легкомысленно болтал в воздухе ногой.

Закрывавшая его лицо маска сейчас находилась в руке и была мокрой от пота.

Тот, кто ещё совсем недавно управлял клубом, по-прежнему пребывал на своём месте, но теперь его невидящий взгляд таранился в никуда, а мышцы лица безвольно обвисли. Довершала картину струйка слюны, стекавшая из уголка рта на воротник.

– Проверь ещё раз? – сделав глубокий вдох и выдох, главный обратился к сенсору. – Вдруг он хитрый какой-то и замыслился.

– Сам чего не глянешь?

– Полностью выложился, ничего не вижу.

– Уже две минуты проверяю по кругу, – признался товарищ. – Не притворяется он, реально растение. До самых глубоких слоёв стёрто, ещё чуть-чуть – и дыхательному рефлексу труба. Имели бы труп.

Вслух развивать тему не стали, но было понятно: работа сделана ювелирно, а убийство понапрасну осложнило бы си-

туацию и могло лишь испортить результат.

Трое членов группы занимались документами и рабочим терминалом, пытаясь запустить его в обход идентификации биометрией владельца.

– Надо было вначале допуски из него выпотрошить, – проворчал техник. – А память до младенчества тереть уже после.

– Ты ж говорил, откроешь? – настроение корректора шло вверх несмотря на раздражение коллеги.

Он свою задачу честно решил, хотя и далось это непросто. Технические же проблемы его в принципе не волновали.

– На скрытый искусственный интеллект похоже, – пожаловался техник ещё через какое-то время. – Как будто со мной играет, тварь. Доказать не могу – не ловится, но жопой чувствую.

– Наши действия? – старший группы, без затей занимавшийся рутинной вместе со всеми и неотличимый на вид от остальных, перевернул на пол очередной ящик с бумагами и взялся за следующий.

Вопрос был адресован тому, кто ковырялся с терминалом.

– Ещё три минуты. Потом надо уходить, – техник был серьёзным специалистом и сейчас контролировал через присоску не один десяток параметров. – У меня есть подозрение, что оно и ментам уже позвонило. Просто вызов искина там идёт по другой процедуре, есть зазор по времени.

– Принял. Форса была, но почти исчерпали, – подытожил

старший. – Так и делаем.

– А как же ...? – сразу двое синхронно спросили одно и то же.

– Никак. Пульт – не наша задача, а сопутствующая. – Приоткрыл часть вводных задним числом корректор. – Свою мы решили: клиент амнезирован в ноль, угрозы больше не представляет. Вероятность ремиссии ноль – овощ навсегда.

– Растения вообще ещё никому ничего плохого не сделали, – подал голос молчавший до этого момента четвёртый. – А обеспечение провалило этап мониторинга: если, ты говоришь, тут целый искусственный интеллект завёлся, который тебя внутрь не пускает, мы об этом должны были знать заранее.

– И не от тебя. – Подхватил старший группы, после чего кивнул, немного помолчал и добавил. – Предложения какие-то есть? То, что мы пульта не находим, не наша проблема. Главная часть выполнена. Сворачиваемся?

– Нужно было у него сперва допуски взять, потом ему память тереть, – подосадовал техник повторно, схлопывая виртуальную клавиатуру. – Теперь другого не остаётся, скороменты могут пожаловать. Вить, ну извини! Вначале опрос надо было, всё остальное – потом! А ты его без разговоров тереть принялся. Могли результат лучше дать.

– Не могли, – спокойно возразил старший. – Если бы можно было, я бы первым Серёгу поставил, – он кивнул в сторону сенсора. – А сам бы клиента зафиксировал, чтоб не дёр-

гался. Сержик бы из его головы всё достал. Но не сложилось.

– Почему? – равнодушно поинтересовался инженер.

В душе он уже согласился с отсутствием результата по своему профилю, поскольку на то были объективные причины. Осталось узнать, какие.

– А ты обойди стол и посмотри на жизнь с моей стороны, – уголком рта улыбнулся шеф.

– Ох, хренасе, – техник через пару секунд мгновенно потерял всю свою флегматичность. – Это же он и по нам мог успеть отработать?!

Рука директора заведения, несмотря на обнулённый мозг, под крышкой стола всё ещё крепко сжимала рукоять пистолета. Видимо, по инерции.

– Да. Причём прямо отсюда мог, даже руку доставать не надо.

– Пластик от НОВОТЕХА, – сенсор, вошедший первым, тоже подошёл ближе и задумчиво щёлкнул ногтем по столешнице. – Не шарю в огнестреле, но пуля наверняка эту мебель насквозь пробьёт и не заметит. Особенно если она какая-нибудь навороченная, есть же сердечники специальные, говорят?

– Именно, – с едва уловимой ноткой удовлетворения в голосе кивнул командир.

Объяснять, что какие-то специальные патроны здесь не нужны, он не стал.

– А как ты понял, что он сейчас стрелять будет? – техник

оживился. – От двери же не было видно? Я следом шёл.

– Повезло. Серёга отмаячил, я почувствовал. Он зря с нами разговаривать начал: принялся бы сразу палить – нам бы труба, а не ему.

– А ведь напрочь незаконно, – ещё один член группы задумчиво наклонился, чтобы разглядеть содержимое стола получше. – Это его вооружение. Сразу вилы ему за один только ствол, неважно, зачем он у него. Может, шумнём начальству или официально?

– Утопия. – Старший быстро просчитал вариант. – Да, он пошёл ва-банк, раз огнестрелом запасаю и реально палить собирался. Но ему и терять было нечего: после той ссоры с Лавром-старшим понятно же было, к чему всё клонится. Видимо, хотел громко хлопнуть дверью напоследок. А если шумнём, встанет вопрос, что мы тут забыли и куда делись его мозги.

– М-да уж. А отдал бы клубец, да не задаром – и мог бы жить и жить, – ни к кому не обращаясь, самому себе пробормотал сенсор. – А теперь вот.

– Всё, уходим. – Старший группы окинул помещение взглядом напоследок и решительно направился к выломанной двери.

Техник, подчиняясь жесту шефа, лениво хлопнул очень непростую мину на ближайшую стенку:

– Нажму, когда отъедем. Всё к хренам почистит.

Группа дисциплинированно пошла к выходу.

Через секунду менталисты ещё успели понять, что происходит, но не успели ничего сделать: выстрелы из-за спины раздались без предупреждения, без лишних слов, без паузы.

Старший группы умер последним, успев даже развернуться и броситься обратно.

Последним, что он видел в своей жизни, был неожиданно осмысленный взгляд того, кого он только что лично превращал в растение.

Перед тем, как умереть, корректор не к месту подумал, что хозяин кабинета почему-то стреляет как чистокровный – слишком быстро для второсортного.

Сам по себе огнестрел уже давно табу, в первую очередь на законодательном уровне. Серьёзные люди вроде них не увлекались: зачем? Если есть гораздо более рациональные инструменты. Однако инкубаторские, проигрывая титульным во всём, время от времени устраивали такие вот эскапады в духе последнего аргумента.

Понятно, что стрелку долго после такого не жить при любом раскладе, но конкретно их пятёрке это уже ничем не поможет.

Почему он стреляет так быстро? Как? Четыре выстрела, минус четыре цели, быстрее чем за половину секунды. Этого не может быть. Это просто выше физиологического предела сидящего за столом.

Мысли неслись в голове чистокровного со скоростью света. Он почти сделал невозможное: среагировав и распластав-

шись в воздухе, последний член группы буквально летел в сторону ожившей угрозы, сумев даже увернуться от пятого выстрела на ходу невообразимым пируэтом.

Шестая пуля, выпущенная без паузы после пятой, в отличие от первых четырёх вошла своей цели не в затылок, а в лоб, чем и поставила точку в истории конкретных представителей крупного холдинга.

Старший группы уже никогда не услышал следующих слов сидевшего за столом:

– Быстрые, ***. Упреждение как на самолёт надо брать, – директор заведения, несмотря на всё случившееся, вид имел вполне осмысленный, хотя и ошарашенный. На оружие в своей руке он глядел широко открытыми глазами. – Личный рекорд, что ли? С перепугу? И секунды не прошло, ты смотри.

– *Ты кто?*

Не успев проморгаться после неожиданного попадания в не пойми какой замес, впадаю во вторую протрацию за первые пять секунд.

Ощущение, что перед глазами висит голограмма. Понимаю, что она находится не снаружи, а внутри глазного нерва. Попутно: откуда взялось это знание, сходу сказать не могу.

Может, мне пора в пациенты? Лихорадочно прогоняю тест самому себе, чтобы определить, галлюцинация или нет. Фуф, можно выдыхать, до этого пока не дошло, да и сознание ясное.¹

Далее в порыве защитной реакции протираю глаза – не помогает. Надпись моргает, гаснет, потом снова зажигается, но уже другим цветом:

Кто ты?!!

И что ему ответить? А самое главное, КОМУ? И КАК? Я усилием воли в воздухе писать не умею.

В памяти тела, куда я угодил, много всякой разнообразной информации, но не на эту тему.

– А ты кто? – не додумываюсь ни до чего лучшего, чем вернуть вопрос.

Интересно, оно аудиоряд воспринимает?

"Ты кто?" – на этот раз сигнал подаётся на слуховой нерв. – "Так удобнее?".

– И что я на это должен ответить? Тебе имя-фамилию сказать?

"Можешь не звучать, достаточно отвечать бесшумно. Губами тоже можешь не шевелить".

Память предшественника накатывает валом. Оказывается, это не галлюцинация, а какой-то хитрый прибор. Парень, который жил в этом теле до меня, носит гаджет на руке в ви-

¹ На всякий случай. Фантдоп, тестов самому себе, галлюцинация ли перед тобой, пока что не существует :))

де браслета. Аналог нашего мобильного телефона, но функций больше.

Оставив в покое пистолет, снимаю коммуникатор с руки и разглядываю с интересом пару секунд: со стороны похоже на ювелирное украшение, золото, платина (кажется). Но по внутренней стороне идёт ряд точек, чем-то напоминающих акулюю кожу.

Нано-интерфейс, всплывает чужое знание. Работает только через тактильный контакт.

Интересно, а под водой оно работает? Наверное, должно, если даже дома были мобилы, которые можно включать на дне бассейна.

Искусственный интеллект, какая-то не совсем легальная навороченная версия – воспоминания того, кто жил в этом теле раньше, прогружаются рандомно и без системы.

И что теперь? Дать уйти этим пятерым не мог – взорвали бы нахрен, сам слышал. Бежать на цыпочках следом – тоже не вариант, у них чувствительность такая, что мне обзавидоваться. Тоже откуда-то знаю.

Да и не соображал я нормально в стрессе, если честно. Прихожу в себя, оружие в руке, мир и тело чужие – а мудаки с повадками террористов собираются... неважно.

Стрелял что называется в состоянии аффекта, на удивление точно и быстро, как во сне. Только это не сон, а пистолет тут полностью нелегален. Безотносительно контекста. Любой огнестрел – вне закона и никому не интересно, защи-

щался ты или нападад.

Я понимаю, что должен делать законопослушный гражданин, который только что застрелил пятерых, но не ориентируясь в обстановке выпутаться без потерь сложно.

И что делать? Собственный офис и их нападение не настолько смягчают ситуацию, насколько её потенциально отягчает факт владения стволом.

Админресурса у этого тела нет, это точно. Гражданство имею второй категории (пометка: разобраться, что это такое), что плохо. К правоохранительным органам предшественник относился более чем скептически.

Логично, чё. Если ты простой обыватель и не часть Системы, ты для неё как правило не субъект, а объект и ресурс.

Повинуясь невнятному порыву, возвращаю браслет на запястье, чтобы с руганью тут же его снять: этот компьютер то ли сошёл с ума, то ли нуждается в перезагрузке. Вместо понятного мне диалогового режима техника начинает истерически спамить сразу и на глаза, и на уши, как живая. Похоже на жену-истеричку.

Забросив гаджет в карман окончательно, растираю пальцами виски, чтоб сосредоточиться. Судя по тому, что всплывает в памяти, действовать сейчас надо быстро и точно.

Самое интересное, я никогда не стрелял хорошо. По большому счёту я вообще НИКОГДА НЕ СТРЕЛЯЛ из короткоствола ТАК. Не моя тема, не моё дело. Изредка, за компанию, в соответствующих местах и обстановке. Как обычно

водится у нас, по большей части в не совсем трезвом состоянии и во время праздничных мероприятий.

Каким образом после попадания сюда я успел положить из незнакомого ствола пятерых быстрее, чем за секунду, понятия не имею. Ещё и из короткого, повторяюсь, вот уж чем в принципе не увлекался.

Может, рефлексы владельца? Но всё равно как-то сверхъестественно быстро и точно. За пределами физиологии.

Кстати, последний из пятерых успел среагировать и так и замелькал, как персонаж известного фантастического сериала. Человеку такое не под силу, как по мне.

Человеку! Вскочив с кресла, тщательно осматриваю всех по очереди.

Как всякий врач, сперва на автомате тянусь к сонной артерии. У последнего, который буквально размазался в воздухе, начав двигаться, успеваю даже поймать сходящий на нет пульс.

Понятно, что тело после выстрела в голову умирает не сразу. На затухание витальных функций уходит время – то же сердцебиение. Аргумент в пользу биологии.

Тщательно исследую места ран у всех пятерых. Кровь; консистенция, внешний вид, свёртываемость самые обычные. Кожа, костная ткань черепа, мозговая на выходе пули – тоже всё как обычно.

Зрачки у всех через какое-то время вытягиваются и становятся похожими на кошачьи. Нет, версия о роботах не под-

тверждается, люди. Ненормально быстрые, с какими-то гипертрофированными психотерапевтическими способностями, но самые обычные люди.

А жалко. Значит, предстоит сеанс общения с местной правоохранительной системой. Надо только понять, звать их или быстренько приниматься скрываться, пока не поздно.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Переговоры по внутренней сети концерна МЕДИКОР. Конфиденциальность обеспечивается искусственным интеллектом, принадлежащим компании.

Содержание беседы не может быть перехвачено либо расшифровано третьей стороной без предварительного согласия управляющей компании.

государственной лицензии искусственного интеллекта
000***3862***08*** ...

– Что-то серьёзное? Пять утра.

– Я бы не позвонил, если бы не было ничего серьёзного. Босс, связь с ними оборвалась. Картинку дадите? График сброшу.

– На. Подробности?

– Пока нет никаких. О, вы в постели, извините.

– А где я по-твоему должен быть в такое время? Так...
Что думаем делать? Твои выводы?

– Ни один из каналов не активен, включая резервные. Вы понимаете, о чём я. Как отрезало.

– Бл***. Пять трупов?

– Ну или все пятеро наяривают следователям в бюро!

– Нет, в этом случае мы бы с тобой сейчас не общались.

– Шеф, не нужно одеваться, я в кабинете. Если сейчас сюда принесётесь ещё вы, ситуацию оно не изменит, а повредить может.

– ???

– Если наши засветились и будет разбирательство, обязательно возникнут вопросы, что мы вдвоём делаем в здании в шесть утра.

– Ещё пять утра.

– Пока вы доедете, будет шесть.

– Чёрт, не соображаю спросонья. Да, ты прав. Чего звонил тогда?!

– Первое, чтобы вы были в курсе. Момент нештатный и неожиданный. Я сейчас начну теребить людей в полиции. Если там что-то всплывёт и понадобится административный ресурс...

– ... я должен быть доступен, понял. Хорошо. Пойду сварю кофе, я на связи. Звони сразу, если что.

– Шеф!

– Да?

– Не нервничайте. Если это даже худший вариант, тот самый, это не конец. У нас есть резерв. В его окружении и не только.

– Да помню, помню.

Глава 2

Как действовать, когда ты только что застрелил пятерых человек? В чужом теле, в чужом мире, в середине многомиллионного города? Наличие пистолета по местным правилам – гарантия проблем, **ОЧЕНЬ СЕРЬЁЗНЫХ**.

В реальности ты не ориентируешься, поскольку она для тебя новая. Случилось это в собственном офисе, здание целиком принадлежит тебе, смыться по-тихому – не вариант.

В памяти тела есть кое-какая информация, но она далеко не полная и прогружается рваными случайными кусками. Может, через час вспомнишь всё, что нужно, а может через неделю. Когда уже будет поздно.

Я напряг мозги: у заведения должны быть администрация и какая-то охрана. Ночной клуб, даже в пять утра кто-то обязан присутствовать.

Специально обошёл всё здание, везде и всюду, в надежде, что знакомое откликнется. Соберётся по частям.

По нолям.

Предшественник что, разогнал всех заранее, чтобы встретить этих визитёров в одиночку? Тема конфликта даже смутно припоминается, хотя должна.

Или последние сутки у заведения были нерабочими? Тогда что внутри делал сам директор, он же хозяин?

Вопросы, вопросы.

Какой-то ключ мог бы дать список контактов телефона, то есть коммуникатора, как и история его мессенджеров, но надевать браслет на руку по третьему разу просто боюсь. Ремонтировать или ладить сбрендивший незнакомый компьютер будущего я сейчас не в состоянии по чисто техническим причинам, а тратить драгоценные секунды на туманные поиски без гарантии тупо.

На осмотр всех углов в итоге уходит около четверти часа. Если опираться на мой личный багаж, без потери достоверности искать варианты перед звонком правоохранителям могу ещё максимум тридцать минут, потом дальнейшую задержку на аффект не спишешь.

Надо будет сообщать в здешнюю полицию или принимать радикальное решение скрываться.

Если смотреть правде в глаза, второй вариант совсем не вариант. Мне известно совсем немного успешных примеров перехода на нелегал с бухты-барахты – без подготовки и проработки. Оно и с подготовкой припоминаются печальные прецеденты, а уж такому, как я тут, вряд ли стоит рассчитывать на удачное стечение обстоятельств.

Порассуждав своими мозгами, а не наследством предшественника, прихожу к выводу, что скрываться самому или скрывать трупы – исключено.

Во-первых, исчезнувшая пятёрка – в любом случае равно круги по воде. Во-вторых, даже дома уличные системы наблюдения полиции сделали бы эвакуацию уже пары тел из го-

рода невозможной. А здесь трупов пять и технический уровень, судя по сошедшему с ума браслету, изрядно выше.

Ещё они все – чистокровные, а я дворняга, второсортный. Гражданство второй категории против их первой. Я уже поверил воспоминаниям тела, что аборигены в прямом смысле могут читать мысли и вытворять кучу других интересных фокусов с чужим сознанием – как имело место перед моим прибытием сюда. Да я и застал кусочек, чего уж.

Моего багажа может просто физически не хватить, чтобы эффективно укрыться в такой обстановке. Точка.

Предшественника, кстати, походя амнезировали до состояния овоща. До полного распада личности и разрушения самых глубинных структур и функций, ещё бы чуть-чуть – и дыхательный рефлекс бы стёрли. Получилось бы не растение, а вообще труп.

Рабочий вариант обнаруживаю, как обычно, не сразу и на поверхности: стационарный компьютер (или как оно здесь называется), который хотели открыть эти пятеро. Вместо клавиатуры и дисплея – голограммы, но у меня получается разобраться.

Техника отзывается на мою биометрию и запускается. Интерфейс интуитивно понятен, язык русский, вникаю буквально за минуту. Попутно благодарю мысленно всех богов, что браслет-истеричку надевать не надо.

Здесьняя конституция по диагонали, только самое основное. Система юстиции. Органы власти. Закон об органах до-

знания, на удивление небольшой. Закон о разграничении прав первой и второй категории гражданства.

На чтение соответствующих статей в местном интернете трачу пятнадцать минут, какая-то схема в голове формируется. Самый плохой план ровно на сто процентов лучше никакого плана.

По прошествии четверти часа прямо со стационарного блока вызываю полицию: тянуть смысла нет, умнее уже не стану, по крайней мере, радикально. Теперь лишь бы реальная практика от декларируемого законодательства отличалась несильно, а то известны прецеденты в других местах.

Закончив объясняться с пультом правоохранителей, собираюсь прогнать в голове свою дальнейшую последовательность действий: когда подсознание знает урок, а не пишет с чистого листа, эффективность выше.

Именно в этот момент поступает входящий вызов. Оказывается, в режиме телефона браслет функционирует даже когда лежит в кармане.

Дотронувшись до звучащей в воздухе голограммы экрана, получаю перед носом женщину. Тоже голограмму, качественную. Подруга этого организма, услужливо подсказывает память.

– Что случилось?! – девушка стартует раздражением без "здравствуйте" или "привет".

Висящее в воздухе изображение словно видит меня, по её лицу пробегает волна удивления.

Прежний владелец тела, похоже, с трудом переваривал общение с подругой в стрессовые моменты – судя по кое-каким автоматическим реакциям моей нынешней психики. Вместо поддержки с её стороны я-прежний обычно натыкался на дополнительный груз в виде истерик, нервов, потому проблемами никогда с ней не делился.

Предпочитал выпутываться самостоятельно.

М-да, с женщиной не повезло. Логичен вопрос, а что держит? Выясню в другой обстановке. В отличие от предшественника, у меня свой взгляд на подобные союзы.

Спокойно и негромко её перебиваю, не собираясь тратить драгоценного времени на неконструктивный поток чужого сознания:

– Ирина, не кричи, у меня мало времени. Спокойно и по порядку начни заново. С чего ты вообще взяла, что у меня что-то случилось? Почему ты позвонила именно в этот момент? Почему не спишь?

Здесьняя связь ушла вперёд. Лицо собеседницы перед глазами – как оригинал, видны все нюансы мимики. Как с живым человеком разговариваешь.

Подруга (или можно сказать, супруга – брак тоже второй категории, занятно. Ещё одна заметка на будущее: разобраться, что это), такое впечатление, давится собственным языком на ходу:

– Э-э-э, м-м-м...

Целый каскад эмоций. А ведь она не рассчитывала, что я

ответу, я-нынешний это очень хорошо понимаю, в отличие от предшественника.

– Что у тебя происходит?! – голографическая голова внимательно оглядывается по сторонам.

Цепкий взгляд диссонирует с интонациями голоса. При виде тел на полу её глаза округляются, брови поднимаются вверх:

– ЧТО ТЫ НАТВОРИЛ?!

– Какая жалость, что ты сейчас далеко, – отвечаю по-прежнему тихо и спокойно.

– ПОЧЕМУ?! – подруга-супруга словно спотыкается на ходу.

И на мгновение примеряет иную тактику.

– Ты бы сейчас наверняка поддержала меня в трудный момент, – улыбаюсь. – Потому что ты искренне любишь меня, веришь в меня, желаешь мне добра и не сомневаешься в моих решениях.

– ТЫ ИДИОТ?! – красивое в общем-то лицо становится на удивление непривлекательным, искажаясь злобой.

– Да, – покладисто киваю в ответ, не повышая тона. – Идиот, судя по тому, что мы с тобой имеем прямо сейчас. Но я обязательно исправлюсь и поумнею, уже начал.

– Ты о чём? – а в интуиции ей не откажешь.

Ирина напрягается так, как будто решает, какую маску сейчас надеть, последовательно перебирая имеющиеся.

– Ты больше не будешь есть мне нервы и манипулировать.

Мне сейчас некогда. Пожалуйста, цель твоего звонка? Быстрее.

– КТО ЭТИ ТЕЛА НА ПОЛУ?! ЧТО ТЫ НАТВОРИЛ?!

Нет смысла тратить время. Не та модель поведения, которая меня устраивает.

С моей нынешней колокольни понимаю, что она никогда не воспринимала предшественника всерьёз и держала его за инструмент. Эх-х.

– Ир, пожалуйста, не звони мне больше первой ближайšie сутки, я могу быть очень ограничен, буквально по секундам. Освобожусь – наберу или нарисуюсь сам.

– ТЫ ОХ***?! – судя по старательности и упорству, с которыми она отыгрывает одну и ту же роль, раньше эта тактика неизменно приносила ей успех.

И ведь не скажешь в ответ, что предыдущей личности больше нет. А на эту подобный концерт не подействует.

– Ты просто красивая пустышка, ладно, была бы добрая или мудрая. Мне очень жаль, что я-прежний этого не понимал, – хлопаю себя по животу. – Да, я был идиотом, как ты и говоришь, но с этой секунды всё иначе. За материальный аспект не беспокойся, я очень бережно отношусь ко всем своим обязательствам. С голоду не умрёшь. Пожалуйста, забудь, что я есть. Удачи.

Детей у пары нет и не планировалось, всплывает в голове. Жена не хотела рожать, хотя и могла.

– Что ты сейчас имеешь ввиду? – она опять преобразает-

ся за секунду.

Из истеричной дуры становится нетупой, собранной, глядящей исподлобья молодой и привлекательной женщиной. Знающей себе цену, но нисколько не уважающей и не любящей своего мужчину.

– Я никогда тебе не изменяла. В смысле, не спала ни с кем другим, – незаметно, как ей кажется, поправляется подруга на ходу. – Можешь глянуть достоверность в индикаторах у себя! Я не вру!

– Нет необходимости. Что не спала ни с кем другим, вижу и так.

– С чего тогда это твоё заявление?

– У меня образовалась кое-какая проблема. Изменились требования к близкому человеку, который будет со мной дальше. Самый простой тест на тему "Есть ли смысл в отношениях дальше" мы оба только что провалили.

– ВОТ ТАК ПРОСТО?! – кажется, истерика из неё льётся непринуждённо и произвольно, как многократно успешная и идеальная модель поведения. – ЭЙ, ЧТО У ТЕБЯ ПРОИСХОДИТ?!

Нажимаю маленькую красную кнопку в правом нижнем секторе голограммы. Голова подруги-супруги исчезает, но виртуальный пульт ещё активен.

Через секунду раздаётся её повторный звонок.

Сервис. Опции. Заблокировать абонента.

На выяснение отношений действительно нет ресурса. Ес-

ли всё пойдёт нормально, это можно будет сделать в будущем, а не сейчас, в цейтноте, когда каждая секунда на счету.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Разговор двух неустановленных абонентов.

– Я сделала, как вы просили. Позвонила ему.

– И?

– Жив-здоров, ответил практически сразу. Находится у себя в офисе, но разорвал связь и меня заблокировал, – женский голос звучит спокойно и без эмоций. – Говорили меньше минуты.

– Как это возможно? – мужчина на другой стороне коротко задумывается. – Вы же официальные партнёры, супруги? И он очень серьёзно к вам относится, всегда подчинялся?

– Видимо, уже нет. Сама в недоумении. Теперь смотрит не безумными коровьими глазами, как раньше, а вполне здраво. Впечатление, словно подменили. Другой человек за мгновение.

– Подробнее не поясните? Мозги ему должны были поправить, но совсем не с таким эффектом. Ожидаемый итог был – ваше над ним опекунство как над недееспособным. Это ещё реально, как думаете?

– Нет без вариантов. Он нормальнее вас или меня. Мыслит лучше прежнего, истерикой его не продавила. На манипу...
пу...

– А раньше он продавливался?

– Да, раньше всегда. Включаешь дуру, открываешь глотку пошире – и лепишь из него, что хочешь. Пару секунд поорать – и управляешь им, как машиной. Делал, что скажу, лишь бы не скандалы в семье.

– В это раз иначе?

– Да, сейчас он не управляется и на манипуляции не поддаётся. Говорю же, даже заблокировал меня, когда я не стала менять линию, причём сразу. Сказал, отношениям конец.

– Мне кажется или вы хотите что-то ещё добавить? Но не решаетесь?

– Не "не решаюсь", а думаю. Прокручиваю в голове всё ещё раз.

– Пожалуйста, размышляйте вслух, если можно? Может быть важна каждая деталь, даже самый незначительный нюанс.

– Если бы смотрела на это всё со стороны, сказала бы, что тёлка мужика где-то передавила: он сорвался.

– В чём это выражается?

– Могу повториться, заранее сорри. На манипуляции больше не ведётся, смотрит спокойно, без надрыва. Так, как будто зависимости от меня больше нет.

– Странно. Вроде же не должен?

– Мне тоже странно, даже больше вашего. Именно что не должен. Но я весь разговор зафиксировала, ловите запись с видео. Подстрочник – расшифровка его эмоциональных тонов вашим приложением. Я всё делала по вашей схеме. Не понимаю, где что не так пошло.

– М-да уж, – мужчина прогоняет файл в ускоренном режиме. – Вижу. Какое-то нездоровое олимпийское спокойствие, откуда и взялось. А что по тому вопросу?

– Смотрите внимательно с самого начала, не с середины. Я же огляделась перед тем, как начать орать. Вон, пять тел на полу.

– Ох! Ох-х...

– Да. Как понимаю, ваши? Вы именно о них спрашивали? Мне было видно плохо, но они явно неживые.

– Может, просто без сознания?

– Вам моё впечатление или то, что вы хотите услышать? Медсканер через звонок не работает, сама физически там не присутствовала. По ощущениям – трупы чистой воды, опять же, кровь на полу.

– Спасибо большое, вы нам очень помогли.

– Теперь вы хотите что-то добавить, но не решаетесь? – женщина благожелательно улыбается.

– У меня нет логического объяснения, как он мог справиться с пятью чистокровными. Это не ваше дело и не ваша обязанность, но лучше вас его никто не знал. Нет идей предположить? Даже самых сумасбродных?

– Только на уровне женских ощущений, – девушка пожимает плечами. – Он сегодня не ведётся ни на что, в принципе. С моей стороны, по крайней мере, а это кое о чём говорит.

– Продолжайте.

– Стержень в нём и раньше был, но меня он не касался. С сегодняшнего дня он какой-то совсем другой, резко. Мне кажется, его не только я передала, а и с вашей стороны тоже пережали. Эти пятеро ваших на полу, что они ему говорили перед тем, как умереть?

– Не в курсе и очень дорого бы отдал, чтоб узнать, – искренне признаётся собеседник.

– Моё мнение, ключ в этом. Он просто сорвался с резьбы – его пережали. Словно решил уйти красиво.

– Спасибо ещё раз, вы очень помогли.

– Наши договорённости в силе?

– Конечно, в любое время, – мужчина удивляется. – Что заставляет вас спрашивать? Мы давали повод сомневаться? Вы же даже заявку не подавали.

– Да я так, без претензий, нервы. Не каждый день такое фиаско – мужик из рук вырывается, как скользкая рыба. Хотела от вас приятное ещё раз услышать, пардон.

– Если вас это утешит, мои проблемы намного глубже. Моё фиаско будет посильнее вашего.

– М-да уж, трудно не согласиться. Сорри.

– Кстати, Ирина, а как насчёт совместного ужина? – говорящий словно выныривает из каких-то размышлений и вни-

мательно глядит на собеседницу, ожидая ответа. – Вдвоём, сегодня?

– Без проблем, если хотите. Я теперь абсолютно свободна, судя по всему. К тому же, надо согласовать, как мою часть имущества у него отбирать будем в рамках наших с вами договоренностей. Раз с опекой над дурачком пролетели. Вам же тоже нужен ваш кусочек?

– Я именно это и хотел предложить, да. Тогда до вечера.

– До свидания.

Глава 3

Полиция прибывает на нескольких машинах общим количеством более десяти человек.

– Представьтесь. – Светловолосая сотрудница в форме, с высокими скулами и взглядом утомившегося киллера во время работы подходит ко мне вплотную.

Не мигает, смотрит чётко и пронзительно; на вид от двадцати семи до тридцати. Единственная женщина из выгружившихся, старший лейтенант (я успел глянуть местные знаки различия).

Половина ментов вообще в штатском, есть люди и с более высокими званиями, видимо, криминалисты или их местные аналоги.

– Пугаете, – отвечаю, удерживая взгляд глаза в глаза. – Насколько помню, это должны первой сделать вы.

– Светлана Фролова, следователь. Ваша очередь.

Вот так, коротко, даже без территориальной подведомственности.

– Александр Барласов, владелец заведения, – тычу большим пальцем себе за спину. – По совместительству директор, это я вас вызывал. А сканер что, не работает? – указываю на её нагрудный жетон.

Данный невзрачный на вид девайс на самом деле выполняет кучу полезных функций. Видеофиксация происходя-

щего в режиме реального времени (с параллельной трансляцией дальше куда надо), медицинский детектор для себя и не только, часть системы распознавания лиц, какие-то функции, которых нет в открытом доступе.

Ещё жетон – круглосуточный шлюз от сотрудника в надзорные подразделения прокуратуры и своей внутренней безопасности (но это вроде по дополнительному требованию такого, как я).

По идее, именно этот сканер ей и должен сказать, как меня зовут и кто я такой.

– Что у вас случилось? – на её лице на первый взгляд не отражается никаких эмоций. – Ведите и рассказывайте на ходу.

– Как скажете. – Разворачиваюсь и направляюсь к зданию.

Одетые в штатское начинают выгружать непонятное оборудование, четверо мужиков в формах идут за нами.

Пока поднимаемся до моего кабинета, излагаю свою версию случившегося и успеваю ответить на пару вопросов, которые красотка держит за каверзные.

Это для меня странно, поскольку есть вещи, которые дознавателю эффективнее выяснять, не топя по лестнице и не глядя собеседнику в спину. С другой стороны, рассказывать на ходу предложила она сама.

Я успел не только пробежаться по верхам местной юстиции, но ещё посмотрел информацию по своему наследству от предшественника. ВАВИЛОН не только даёт бабки, параллельно это социальный проект. Главная концепция соответ-

ствуует слогану "ЗДЕСЬ ВСЕ РАВНЫ!", а сама фраза – часть логотипа и идеологии.

Если по-простому, оборудование на территории глушит гипертрофированные возможности чистокровных, читать мысли и тереть память граждане первой категории должны быть не в состоянии.

Это, правда, не стыкуется с амнезированным предшественником, но тут надо разбираться отдельно.

– Вот, – останавливаюсь возле вываленной с мясом двери кабинета.

При виде лежащих на полу тел один из соратников Фроловой оживляется, подвешивает под потолок сложный голографический конструкт и начинает бубнить себе под нос, не обращая ни на кого внимания:

– Подполковник Святеев, криминалист, городской департамент. Осмотр места происшествия производится...

– Нам есть где поговорить в другом месте? – госпожа старший лейтенант, кажется, даже не напрягается, чтобы убедительно производить впечатление голодного крокодила. – Где можно сосредоточиться?

Интересно, это у неё естественное амплуа, без наигрыша? Или то самое ментальное воздействие, которого я не могу пощупать или обнаружить и которое должно блокироваться в данной локации?

– Всё здание в нашем распоряжении. Вы в этом помещении ничего осматривать не будете? – у меня просыпается уже

профессиональный интерес, смогу ли я её раскачать хоть на какие-то эмоции.

В ряде ситуаций текст вообще не важен, поскольку работает исключительно невербалка. Непрошибаемых не бывает по определению, вопрос лишь в силе и точности воздействия.

Я, конечно, не местный менталист, но любая психика – слишком сложный инструмент, чтобы иметь только один вход для контроля или, деликатнее, для взаимодействия. Особенно если ты профессионально в курсе, как оно работает на уровне физиологии и обмена веществ.

– Соседняя комната пустая? – а ведь это не осознанная тактика с её стороны, доходит до меня.

Как это было бы у нас. Из неё льётся превосходство по праву рождения, я просто не сразу сориентировался.

Дворяне средних веков, особенно те, что поближе к трону, видимо, испытывали абсолютно такие же эмоции, наблюдая, как подавальщик в трактире протирает стол, за который они сейчас сядут.

Пустое место. Когда расстояние по иерархии велико, личности собеседника не существует для некоторых – он превращается в пустое для тебя место. Элемент обстановки, инструмент, далее по списку.

Занятно, что с моими интересами где-то совпадает и для меня сейчас не самый плохой вариант. Такую ситуацию уже можно разыгрывать.

– Как вы сказали? – вынырываю из мыслей. – Да, там одно из рабочих помещений. Техники и финансы сидят по очереди: бухгалтера днём, а инженеры вечером.

– Пойдёмте.

Замки по всему зданию электронные и откликаются на мою биометрию. Без затей выхожу в коридор, открываю соседнюю дверь и даже поднимаю ногу над порогом, когда меня в середине шага с нечеловеческой силой дёргают назад и разворачивают на сто восемьдесят градусов:

– Наш разговор фиксируется искусственным интеллектом управления полиции. – Фролова щёлкает по жетону ногтем левого большого пальца, правой рукой буквально внося меня внутрь. – Предупреждаю вас о принципиальной невозможности ввести в заблуждение органы дознания. Господин Барласов, подумайте ещё раз перед тем, как пытаться меня обмануть. Что произошло перед тем, как вы нам позвонили? Расскажите заново и по порядку.

Двери она, не оборачиваясь, закрывает ногой, становясь на долю секунды похожей на танцовщицу или балерину.

– По второму кругу рассказать? – вежливо изогнуть бровь, изображая одновременно иронию и любопытство. – Или вы не расслыш...

– Будьте готовы быть перебитым – я буду задавать вопросы по ходу. Начинайте.

– Какая у нас с вами интересная дуэль моделей общения получается, – здесь очень коротко и безукоризненно вежли-

во поклониться, ни в коем случае не отпуская её взгляда.

В первую секунду физического контакта мне показалось, что за плечо схватили и дёрнули те здоровенные мордвороты, которые остались внизу – настолько сильный рывок, где-то неестественно сильный.

Оказывается, нет. Всего лишь хрупкие женские пальчики, вон, даже маникюр в наличии и на загляденье, ногти длиной сантиметр с лишним.

Так вот как выглядит преимущество граждан первой категории в физической силе. На вид девчонка как девчонка, сексуально привлекательная местами, если б не выражение лица кирпичом. А мышечная производительность – как у второго терминатора из старого фильма.

– Мы будем разговаривать стоя? – всё так же вежливо продолжать свою партию. – Как долго? Сколько времени, если не секрет, вы выделяете на личное общение со мной? – не дожидаясь, пока она вдохнёт и ответит, пояснить позицию. – Я взаимодействую гораздо эффективнее, когда осведомлён и понимаю происходящее. От сотрудничества со следствием категорически не отказываюсь, но смысл ваших действий от меня ускользает. – Ещё раз коротко поклониться, как граф уборщице.

Физически она меня очень удивила, не поспоришь, но мышцы – далеко не всё. Личный настрой и багаж за спиной при определённых условиях вполне способны уравновесить разницу по иерархии. Не автоматически, но.

– Мы будем говорить столько, сколько понадобится. Можете присесть, куда вам удобно, – она опирается о столешницу ближайшего рабочего места тем местом, что пониже спины. – Слушаю вас заново.

– Сидел, работал, никого не трогал. Находился в принадлежащем мне здании, ограничил допуск на вход во время работы. Около пяти утра...

– СТОП. Каким образом они по-вашему вошли внутрь, если замки были заблокированы? Вы были точно один в здании?

– На второй вопрос однозначное да, – чистая правда. – Что до первого пункта, это вопрос, который я собирался задать вам. Вы успели разглядеть дверь вместе с косяком и фрагментами штукатурки на полу? – киваю в направлении ближайшей стенки. – Больше, чем та вылетевшая дверь, меня впечатлил только один эпизод в жизни. Это когда вы сейчас мне чуть плечо не оторвали.

– Это вы к чему сейчас?

– Это ответ на ваш вопрос "как они вошли?". Он состоит из двух частей: как они технически проникли в здание и как добрались до меня непосредственно внутри.

– Пока не улавливаю вашей мысли. Соберитесь и попробуйте связно.

– Возьмите себя в руки и думайте головой, а не, к-хм, предрассудками! – Отзеркалить без паузы, ответить в разрез её слов.

При этом неприязненно поднять верхнюю губу и побольше льда во взгляд. На самом деле это моя искренняя злость, но её легко выдавать за что-то иное.

Глаза собеседницы на долю секунды открываются шире. Есть. Первый контакт. А то как с роботом общаешься.

– У вас, чистокровных, несоизмеримые с нами возможности, – продолжаю на полтона тише и спокойнее. – Вы сильнее нас физически, думаете на порядок быстрее, имеете в десятки раз лучшую память. Откуда я, по-вашему, должен знать, как они вошли? Мы, вторая категория, давно не пытаемся понять, как вам удалось то или иное, нам недоступное.

– Я менталист пятого ранга. Вы отдаёте себе отчёт, что не сможете меня обмануть ни в какой перспективе? Вне зависимости от ваших личных талантов и багажа знаний – она снисходительно улыбается, выдерживая небольшую паузу, – второй категории?

– Повторяетесь. И попутно, зачем вы мне это говорите? С какой целью? – спокойствие, только олимпийское спокойствие.

И внешне, и в интонациях.

– У меня просто в разы выше скорость обработки информации и качество её снятия, – она вытягивает сантиметровый ноготь указательного пальца в направлении моего лба. – Там, где вы слушаете и смотрите, я из вашей головы могу читать напрямую. Не отвлекаясь на шум в виде слов.

– Если бы всё было так просто, в этом разговоре не бы-

ло бы смысла, – не отвожу взгляда, откидываясь на спинку офисного кресла. – Как минимум, не в моём здании. И вы заметили, что у нас не диалог, а два монолога? Вы уверены в своей компетентности следователя? Я очень озабочен как владелец пострадавшего объекта, настоящим выношу вам первое предупреждение. – спокойно, тихо, на полном серьёзе.

И не захочет, а на мгновение споткнётся. Хоть и на своё мгновение, которое значительно короче моего: категорический отход от шаблонов, как заговоривший таракан.

Так не делают и не говорят в здешних реалиях, так никто и никогда не говорил с ней. А самое интересное, ЛЮБАЯ её следующая фраза меня как специалиста устраивает.

– Простите за прямоту и откровенность, – не даю ей заполнить паузу. – Если вы что-то хотели сказать, говорите теперь.

Начнёт оправдываться и доказывать – иерархия скорректирована, я знаю, что делать дальше. Начнёт ставить на место – вариант два.

Мой процессуальный статус в данный момент не определён, здесь это окно возможностей (если судить по сайту управления юстиции): через её жетон в этом случае обращусь к искусственному интеллекту и попрошу внутреннюю безопасность сменить специалиста.

Пять трупов чистокровных, особый статус моего здания на городском уровне – реакция робота на обращение вла-

дельца такого объекта предсказуема. В отличие от людей, он оперирует неизменными категориями эффективности.

А для меня сейчас любая пауза по времени, даже часа два отсрочки до прибытия нового следователя – расширение этого самого окна возможностей. Ну и за карьеру, в отличие от собеседницы, я не трясусь – человек с деньгами даже с абсолютного социального низа способен потрепать нервы кому угодно. Уверен, что и тут тоже.

– Решил ох*еть? – олимпийски спокойно интересуется старшая лейтенант.

– В каждом углу моего клуба висит оговоренное законом предупреждение, – не меняя выражения лица, направляю палец на стену кабинета. – Оно висит вообще везде по коридорам, где мы шли, и перед входом тоже. "Всё происходящее в здании фиксируется искусственным интеллектом Компании, государственная лицензия номер...". Мне предупредить вас об уголовной ответственности за преднамеренное и сознательное использование незаконных методов дознания? Любая запись тут является автоматическим свидетельством в суде, искин лицензирован.

– В своём уме? – она наклоняет голову к плечу. – Решил угрожать МНЕ? И что ты хочешь скрыть?

Фролова встаёт со стола, берёт ближайший стул и верхом садится на него напротив. Теперь нас разделяет только рабочий стол кого-то из финансистов.

– Ещё одно "ты", и я через ваш же жетон вынужден буду

обратиться во внутреннюю безопасность вашей организации и в надзорный орган. – С отделом по надзору за полицией в прокуратуре здешние менты очень не ладят, это я успел понять. – Если не дошло, уточняю: в оба органа параллельно.

Выгляжу со стороны недалёким и ершистым на ровном месте мудаком, но так надо. Мне позарез необходим её эмоциональный отклик, причём весьма определённого тона. Сама в нужное состояние не войдёт, есть шанс только загнать. Как лося.

Она, кстати, исполняет что-то похожее и в мой адрес. Начала первая, совесть чиста.

Там, откуда я родом, межведомственный шум – как правило очень большой геморрой. Если со своими из департамента внутренней безопасности мент может договориться порой вообще за бутылку (фигурально), то вот с голодными сотрудниками трёх других организаций, имеющих право призывать полицию к порядку, всё намного сложнее. И по деньгам, и по геморрою для сотрудников внутренних дел, по которым инициированы абсолютно любые разбирательства.

Если сказать без купюр, то отстранённый мент вынужден пахать не на кассу и не на план продаж, а на защиту своей задницы. Плюс нести значительные финансовые потери на фоне прекратившегося дохода (зарплата не в счёт, это только зубная паста и бензин).

Наблюдая со стороны, я ни разу не видел, чтобы нервничающий по такому поводу полицейский не просел по всем

иерархиям (пусть и временно). Карьерному росту в перспективе тоже не способствует – никому не нужен сотрудник, приносящий начальству проблемы вместо денег.

Надеюсь, аналогия работает и в этих местах.

– Здание будет закрыто на время выяснения отношений, – весело подсказывает она. – Никакой работы клуба. Самому не страшно?

Намёк на то, что остановка бизнеса равно уже мои расходы без доходов? Типа, удар мне по карману? Потеря репутации, клиентов, потом бизнес со дна не поднимешь?

– А-га-га-га, – ну и как здесь не заржать.

Картинно хлопаю в ладоши три раза, потом абсолютно искренне поясняю:

– Категорически не возражаю против такого варианта. Меня устраивает.

– Да ну?

– Вы же менталист, – равнодушно пожать плечами. – Я что, могу вас обмануть?

Есть. Первый маркер прошёл и встал, как надо.

– Могу озвучить вслух, – откатываюсь на стуле чуть назад. – Я не торгую своими гражданскими правами, человеческим достоинством и справедливостью. Если за свою жизнь я сумею избавить общество хотя бы от одного недобросовестного, коррумпированного и тыкающего следователя, даже не читавшего инструкций по надлежащему формату процессуального общения... – пассаж льётся непринуждённо и

даётся без труда.

Искренность всегда убедительна. За несколько десятков лет жизни там у меня никогда не было ночного клуба (этот, кстати, очень крутой – к вопросу о суточном доходе тела).

Жил я без такого заведения там счастливо, проживу и тут, говоря цинично. То, что тебе не нужно, потерей не является.

Ну и менты – перманентный позор системы, без деталей. Как не потоптаться по мудакам при любой возможности, здесь я тоже абсолютно искренен.

– Завязывайте, – лицо Фроловой становится серьёзным. – Я тоже не сделаю уступок, влияющих на истину. Предлагаю начать сначала, в качестве жеста доброй воли с моей стороны.

– Я вас услышал.

– Подтверждаю ваше законное право на обращение в вышестоящую инстанцию через мой личный жетон в случае, если считаете действия органа дознания неправомерными.

– Тут речь не об органе, а о конкретных сотрудниках.

– Либо действия сотрудников, – равнодушно соглашается Фролова. – И кстати, раз такой разговор. Не желаете пригласить своего адвоката? Чтобы избежать в будущем ненужной дискуссии? А то вдруг вам ваш итоговый процессуальный статус не понравится?

Есть. Вот и эмоциональный градиент подъехал, хоть такой. Уже не ноль.

Глава 4

– Не желаете пригласить своего адвоката? Чтобы избежать в будущем ненужной дискуссии? А то вдруг вам ваш итоговый процессуальный статус не понравится? – она катнула очередной пробный шар.

Тип при деньгах. Сам второсортный, но где-то трепыхается, пытается добиваться. Даже получается местами.

Клуб свой на ровном месте замутил, от концепции до начинающего сетевого заведения. С собственными зданиями, искусственным интеллектом, чуть ли не новым культурным трендом. Жаль, нельзя глянуть его доходы для понимания – у фискалов только через верх запрашивать.

А что, если ему лихорадочно не хватает точек опоры? Союзы, интересные финансово, возникают всегда неожиданно. Её интуиция просто орала именно в эту сторону, несмотря на недоступность ментала в помещении.

– Адвоката? – Барласов резко задумался, словно на стену налетел.

Ух ты. Должен был первым обозначить, теоретически – а тут вроде как и не рад? Идёт на сближение?

– Да. Вашего адвоката, – внешне эмоций Светлана не демонстрировала, но было интересно, что он скажет дальше.

– Да не нужен мне адвокат прямо сейчас, – взвесив что-то про себя, задумчиво выдал второсортный. – В здании мента-

лист ничем не отличается от гражданина второй категории, здесь все равны с точки зрения физиологии. А если куда-то с вами поедем, тогда и озабочусь.

– Смело. И я бы не была столь категоричной на вашем месте: кроме физиологии существует вопрос права. – Фраза под жетон, но с правильной мимикой.

Шаги навстречу надо делать синхронно.

– А с точки зрения права, давайте вначале этот разговор к чему-то придёт, – он равнодушно пожал плечами.

Чёрт, ну почему его тут читать нельзя.

А ведь похоже, что ищет точки опоры. Рос быстро (вместе с бизнесом), из мелкой и никому неинтересной сардины во что-то большее вырос стремительно. Внимание серьёзных людей привлёк только на этом уровне и сейчас – вот проблемы и наметились.

Чистокровных у него в компаньонах нет, судя по материалам лицензии, но без них сожрут. Возможно, уже начали.

– Как скажете. Хозяин – барин. Расскажите всё ещё раз с самого начала.

Или сделал стойку на неё, как на женщину? Отсюда и странности в разговоре? Думает, что что-то может быть, теоретически (мужик молодой, физиологии не прикажешь). Вот и топорщится, пытаясь обратить её внимание на себя во вполне определённой плоскости.

Светлана не понаслышке знала, что в кругах второсортных время от времени обсуждают варианты "встречаться с

тёлкой из титульных". И прецедентов по жизни всё больше, чего уж.

Сам Барласов – активно за эту идею, что все люди равны. Типа, не должно у гражданства и граждан быть сортов, а рождённые по госпрограмме – всё равно что чистокровные.

Его клуб именно на этой волне раскрутился: чистокровных чуть не одна пятая от посетителей, имеющих постоянную карту. Девчонки тоже есть, не только парни. Кто-то из своих идею разделяет.

Логично предположить, кстати, что именно эти двадцать процентов дают больше половины кассы, но это и не её дело. На то есть фискалы.

– Вынесли дверь одним ударом, вы видели результат. – Барласов поёрзал в кресле и впился в неё взглядом любопытного спаниеля.

Бл*. Ну да, похоже. Ментал в здании не работает, но такие мужские глаза ни с чем не перепутаешь.

Самое интересное, что он искренне пытается совместить эти свои уловки эрекции и попытку не сказать всей правды дознавателю. Реально решил подкатить к ней яйца, ещё бы комплиментами сыпать начал, пф-ф-ф-ф-ф.

– Продолжайте. – Светлана попыталась скрыть пренебрежение, но не слишком усердно.

Пусть понервничает. Бизнес – это одно, а трусы с их содержимым – совсем другое.

– Они на меня сразу чем-то надавили из вашего арсена-

ла. Так, что я шевельнуться и пикнуть не мог. – Барласов задумчиво пошевелил пальцами. – Похоже на геморрагический инсульт по ощущениям, не знаю, как описать.

Пытается произвести впечатление умными словами. Пфф-ф ещё раз. Кстати, что такое инсульт? ²

– Нестыковка, – заметила она. – Каким образом внутри вашего здания кто-то без вашего разрешения мог активировать ментал?

– А это и есть один из главных моих вопросов вам, – серьёзно ответил мажор. – Система внутри здания не отключается никогда, можете считать частью нашего протокола. Даже на парковку кое-куда достаёт. Оборудование активно двадцать четыре на семь, политика заведения. Откуда у меня разрыв сознания – я надеялся, вы поможете понять. На камерах в записи тоже есть пробелы – как будто им мой искин подыграл. И не стал записывать лишнее.

Не вся правда, но и не врёт. По мозгам от них получил без дураков, сканер подтверждает.

Светлана подняла ладонь, призывая его помолчать, и ненадолго задумалась. Параллельно она листала лицензионные материалы на заведение, пользуясь уровнем допуска – для второсортного пауза в их беседе будет составлять не больше пары секунд.

Подуровень полицейского искина, аппендикс третьего

² Медицина в том мире пошла другим путём. Лексический запас русского языка от нашего тоже может отличаться.

ранга как раз для таких случаев, принял от неё вводные, прочёл барласовскую лицензию и тут же выдал диагноз: может быть правдой.

Теоретически, работающая защита заведения проходила. Но для этого нужна слаженная группа в составе не менее трёх человек, ранги от пятого или четвёртого, нехилые требования к фокусу и квалификации участников группы, плюс дополнительное оборудование, вот какое.

Последнее находилось в запрещённом списке, поскольку позволяло воздействовать не только на вторую категорию, а и на чистокровных граждан. Табу из табу.

Поискав по сусекам, машина через мгновение добавила: техника наверняка негласно используется кое-какими государственными структурами, но оценить этот момент количественно она со своего уровня уже не может. Искины полиции искинам других ведомств не друзья.

Трупов, кстати, пять, больше трёх с запасом. Интересно, какие у них ранги.

"Посмотрите на телах нейроконцентраторы", – отписала она Святееву в служебный чат. – "Скажите сразу, если обнаружите. Убитые – чистокровные? Какие ранги?"

Ответ пришёл тут же:

"1) +. 2) +. 3) 4,4,4,5,6".

Барласов наверняка не заметил ничего по ней, поскольку сосредоточенно продолжил на своей волне:

– И я не могу поручиться за достоверность того, чему да-

же и был свидетелем, поскольку пребывал под незаконным ментальным воздействием.

– Можно без протокольного канцелярита, – неприязненно бросила офицер. – Не ломайте комедию, будьте собой.

Чёрт. Если это именно оно, то зачем этот геморрой ЕЙ. Одни проблемы в перспективе, захотелось расплакаться.

Хотя, у него есть деньги и он явно готов делиться, причём не разово. Есть за что напрягаться.

– Пятый на моих глазах перестрелял первых четверых, потом принялся шарить у меня по кабинету. Я улучил момент и исхитрился отобрать у него пистолет, из которого убил его.

– Осмотр места ваших слов не подтверждает, – обтекаемо сформулировала Светлана.

По одному из каналов ей сейчас в режиме реального времени лилась работа криминалистов (и не только) из-за стены.

– Я же тела трогал и переворачивал – надеялся, кого-то можно спасти, – спокойно пояснил второсортный. – Ваш осмотр и не даст ничего. Опять же, сознание было ещё спутанное, может, не соображал до конца: кажется, по запаре даже таскал их туда-сюда.

– Это серьёзное нарушение. Вы не должны были...

– Готов отвечать в суде по всей строгости закона, – перебил он со скоростью искина, и не думая спорить. – Нарушил – значит, виноват. Как суд назначит, так и сделаю.

Суд как раз войдёт. В твоё положение, особенно за твои

же бабки. Понятно, что сам факт группы с подобной снарядой на твоей территории – это не розыгрыш, а что-то гораздо более серьёзное.

А ты налоги платишь, как бегемот, суд деньги бюджета считает быстрее, чем служебную целесообразность полиции.

Держим в голове вариант возможного сотрудничества с ним лично. Смежники тоже люди, с ними можно пободаться, если есть резон (читай, регулярный доход). Опять же, по закону они полностью неправы.

– Я очень сомневаюсь в вашей способности отобрать пистолет у работающего менталиста пятого ранга. И это не первая нестыковка в вашем рассказе. – Светлана решила побыть до известной степени откровенной.

Когда они входили сюда, Фролова на автомате прогнала одну из проверок: дёрнула его за плечо, развернула, потом внесла внутрь правой рукой, не встретив характерного сопротивления.

Если бы он чисто технически или физиологически был в состоянии оппонировать чистокровным на сопоставимом уровне, рефлексы его тела работали бы иначе. Это бессознательное, необразишь.

Ментал в здании хоть и не работает, но тактильного контакта никто не отменял. Нельзя снять информацию мозгом – значит, что-то получим через нервы. Результат точный.

Кстати, это обычный в среде полицейских тест второсортным на дикого менталиста. Барласов диким не является,

обычный кисель.

– А я вас и не уговариваю, – он не смутился. – Я на своей территории. После такого вторжения имел право вообще предупредить их без особых для себя юридических последствий, если бы сил хватило, – тут владелец ВАВИЛОНА неподдельно вздохнул. – Вы просили рассказать? Я это сделал. Верить, не верить – ваше дело.

Интересно. Если б не был второсортным, предположила бы, что он каким-то образом видит её переговоры с коллегами по сетке. Как-то он резко повеселел после этого сообщения Святеева о концентраторах.

Ладно, фигня. Работаем дальше.

– Хорошо, допустим. Хотя предупреждаю, что достоверность этого вашего заявления будет проверяться повторно. Зачем вы трогали тела до нашего приезда?

– Я уже пояснил, память барахлит? – вроде тоже работает на жетон, мимика не соответствует тексту. – На автомате хотел проверить, вдруг кто живой: оказать помощь, если возможно. Для этого проанализировал каждый раневой канал и витальные функции каждого из, г-хм, нет, не из пострадавших. Из убитых.

И снова правда, опять не вся. Но проедем.

– Вы настолько понимаете в медицине?! – Фролова удивилась и в первый раз за беседу не стала этого скрывать.

Уж куда-куда, а на медфакультет второй категории граждан дороги практически не было. В принципе, как и в любой

другой университет, по большому счёту – но конкретно Барласов при деньгах, там возможны варианты.

– Да, в медицине я понимаю. – За очень короткой фразой, такое впечатление, стояло что-то большее.

Не врёт однозначно. Прикол.

Ладно. Беседовать с ним ещё придётся, не здесь (дело обещает стать резонансным, плюс личные варианты между строк наметились), потом уточним при желании. Мать вашу. Долбанные концентраторы.

Можно будет пошевелить тему уже у себя, особенно если опять явится без адвоката.

– Я сразу предупреждаю вас, что не верю в достоверность сказанного на тему отъёма пистолета, – Светлана решила зафиксировать момент на будущее, чтоб обезопасить себя.

– Вы очень переоцениваете свою физику и недооцениваете нас. Если это может считаться доказательством, могу при вас настучать по голове любому из вашей бригады, – на полном серьёзе предложил Барласов.

И ведь верит в собственный бред.

А может, ему что-то в мозгах повредили не по-детски?! Светлана с тревогой мазнула взглядом по индикатору в интерфейсе.

Да нет, психически адекватен.

Захотелось сказать "Бесишь, сука", но Фролова лишь иронично улыбнулась.

Реагировать на молниеносное движение в следующий

момент у неё не вышло. Она успела отшатнуться, но с опозданием – чужая рука уже весьма чувствительно схватила её за горло:

– Вам больно потому, что я держу вас за трахею, – второй ладонью невесть каким образом телепортировавшийся ближе мажор, перегнувшись над столом, фиксировал её затылок. – Отпускаю, вольно.

– Я бы успела убить вас до того, как вы сжимали пальцы на моём горле. – К демонстрации она отнеслась неожиданно спокойно.

Светлана не стала нервничать, истерить, а принялась конструктивно анализировать новую вводную вслух:

– Да, буст был неожиданным, – с фактами спорить не стоит, он действительно взорвался движением стремительно. Такое могло сработать. – Для вашего уровня запредельно быстро, признаю. Но оно работает только первые доли секунды, пока чистокровный не среагирует. Потом мы ускоряемся и у вас без шансов.

– Так я его не за горло хватал и не пальцами душил, – резонно заметил владелец заведения. – За трахею тоже не дёргал, подмышками не щекотал. Сознание было как в тумане, но рефлексy не зависят. Как и мышечная память. Я не кумитэ устраивал, а его ствол забирал. Сам не могу понять, почему – я не стрелок и никогда не был.

– Подробнее. Где он стоял, как вы двигались?

– Не помню. Смутно, не готов в деталях.

– Дальше?

– Забрал у него пистолет, потом рывок назад. Это машинально, наверное: разорвать дистанцию. Вы же сильнее, нам страшно. Он следом. Выстрелил с перепугу, случайно попал, случайно ему в лоб. Так бы, наверное, он и меня хлопнул. Повезло.

Фролова задумалась повторно. Считающий себя самым хитрожопым владелец заведения снова где-то лукавил.

– Попробуйте сказать мне что-нибудь интересное, – двусмысленно намекнула она на игру для жетона.

Он ухватил влёт:

– Не поручусь, мне ж мозги массажировали в тот момент, но раз вы спросили – автоматика пистолета.

– Что с ней?

– Я не стрелок, однако отработать четыре цели дуплетами быстрее половины секунды – это нереал.

– Как?

– Сдвоенными выстрелами.

– М-м-м, расшифруйте суть. Не уловила.

– Может быть, что есть специальные патроны и оружие именно на чистокровных? А не на всех подряд?

– Спасибо, теперь поняла.

С другой стороны, убитых было пятеро и все именно чистокровные – самого Барласова не обвинишь даже технически. Его натренированный (наверняка на стимуляторах и за большие бабки!) мышечный буст – фокус на раз, как ствол

с одним патроном. Разовый трюк, причём недлинный. Работает только первые три сотых секунды, если не меньше, потом самому Барласову труба.

Да, одного чистокровного в этом крайне небольшом кабинете он завалить успевал, если предположить пистолет изначально у него. С натяжкой, пару – это со скрипом, малореально, но не исключено.

Одного или двух в итоге, не всех пятерых – физиологический предел.

Второсортных бы мог, пятерых своих – уже нет. Убитые чистокровные должны были быть или привязаны к стенке, или парализованы и пьяны, чтоб дать ему отработать до конца.

А они наоборот двигались под концентраторами, вон смертные слепки аур от Святеева.

Получается, Барласов выгораживает кого-то ещё. Или говорит правду – и так и было (хотя и не верится), или был в кабинете кто-то неучтённый? Хотя следов седьмого нет, коллеги за стенкой пока однозначны.

Сука, а на взломщиках – аппаратура из запрещённого списка, которая есть у кое-кого из других коллег, смежников.

До чего же тухлое дело. И угораздило же в него вляпаться. От разборок такого уровня лучше держаться подальше.

С другой стороны, богатый мажор из второсортных. Шпагат между двумя стульями, клуб у него вкусный. Если б уже кто-то крышевал, она бы знала.

– Вас что-то смущает? – дыша чаще обычного, поинтересовался второсортный.

Даже кратковременное усилие сказалось на его внешнем виде.

– Вам не надоело задавать свои идиотские вопросы в надежде на мой эмоциональный ответ? – не отрываясь от размышлений, прозрачно намекнула она.

– Просто у меня есть предложение, – не смутился он. – Давайте определимся, вы в данном деле за справедливость или за личный интерес?

– Какие варианты? – а ведь это оно самое, вау.

– Если второе, личный интерес, то давайте и договариваться соответствующим образом?! – на его лице только что возмущение не проступило. – Мы взрослые люди, зачем друг другу варить мозги? Напрямую вы у меня взять не сможете, я согласен, но дать-то хочу. Скажите фонд сотрудников вашей организации, уволенных в запас? Я чуть-чуть понимаю, как эта схема работает. И легально, и договориться можем.

– Хренасе. Вот так откровенно и под мой жетон? – ей ещё на одно мгновение стало любопытно.

Прямо сладострастное предвкушение. Неужели джекпот? Угадала? Спокойно, потом порадуемся.

– Я всегда учитываю аппаратную фиксацию беседы, – серьёзно парировал Барласов. – Особенно сейчас. Потому и предлагаю абсолютно законную схему. Вот изменится законодательство, будем что-то новое изобретать.

– Да вы просто монстр, – фыркнула она, примеряя на себя новые варианты.

А ведь можно кричать ура. Делиться наверх придётся, но поток-то через неё. Откорячки для официоза сформировались в голове автоматически.

С денежными типами лучше без необходимости не бодаться. Зачем, даже если он второсортный? Тем более, по сути прав, как ни крути. И на контакт идёт.

Сюда же. Способность представителя второй категории гражданства учинить произошедшее в соседнем помещении над пятерыми чистокровными можно уверенно исключить из списка версий, хотя бы и на уровне физики процесса. Свои поймут.

А с другой стороны, Барласов явно кого-то покрывает, хотя об этом можно промолчать.

Если рассказанная им сказка сказка и есть, то здесь был кто-то ещё. Чистокровный тоже, не ниже седьмого ранга – справился один против целой группы, с учётом уровней трупов. Этот семёрка, похоже, разобрался и с концентраторами (скорее всего государственными, последнее пока держим в голове и никому не говорим).

Но седьмой ранг стрелявшего – это также не частный бизнес. Это однозначно всё то же государство, ибо семёрки на вольных хлебах – как правило, владельцы концернов. Минимум, члены советов директоров.

Они по чужим офисам в пять утра не бегают и физкуль-

турой за второсортных не занимаются.

– Ну и говно, – абсолютно спокойно произнесла Светлана вслух, не поясняя, что имеет в виду.

Может, семёрка ему мозги и промыла?

Начальство согласится не копать, спокойствие всем дороже. Хорошо было бы не упоминать концентраторы в протоколах вообще, не было их – и всё. В крайнем случае, дело натянуть на Барласова – всё равно второсортный. Подоить его перед этим, конечно, потом понести по статье.

К сожалению, утопия. У криминалистов своё кино, свои жетоны и за них искин вообще на девять десятых сам пашет. С тем не договоришься.

Ладно. Раз геморроя не избежать, возьмём деньги. Но покрутить его ещё стоит на всякий случай: просто чтобы понимать, где какая сторона.

Группа была с высокой степенью вероятности не с улицы, это криминалисты только что выдали официально. Ствол ожидаемо чистый, но тут никто и не надеялся.

Главное: семёрка-призрак, всех перестрелявший и живущий пока только в её голове – тоже не сирота. И он не против Барласова, раз последний жив и предлагает деньги ей (что многое меняет).

Хоть бы выяснить, за кого играть в случае чего.

– Прошу вас предоставить доступ к записям вашего видеонаблюдения. – Светлана подвесила голограмму над столом.

Глава 5

– Прошу вас предоставить доступ к записям вашего видеонаблюдения. – Фролова явно кое-что для себя решила.

Предварительно, не окончательно, но уже прогресс. И я даже предполагаю, что именно.

Интересно, какую фигню она подвесила над столом? Напоминает конструкт подполковника-криминалиста в соседней комнате, но другие цвета, форма, кое-что ещё отличается.

– Без проблем, но только при условии, – качаю головой.

– Вы же заявляли, что не против сотрудничества со следствием? – она не очень убедительно изображает недоумение. – Как это понимать?

– Я не отказываюсь, просто обозначаю границы своих интересов. Имею вполне официальное предложение: давайте соблюдать ЗАКОН.

– Вы это о чём? – старшая лейтенант наконец дочитала между строк.

– Есть процессуальный кодекс, – я успел просмотреть по диагонали, идеологию уловил. – В нём прописан порядок выемки, в том числе такого плана. Я не вижу у вас сейчас двоих независимых свидетелей, граждан первой категории соответствующей квалификации, это раз. И не наблюдаю подтверждённого и заверенного присутствия вашего искина в

процессе, причём его версия должна быть верифицированной минимум на уровень выше, чем у моего. Это два.

– Не похоже на желание сотрудничать, не находите? – работает на жетон.

Значит, и мне надо.

– Светлана, со всем уважением. Вы, кажется, не принимаете меня всерьёз. Досадно. Торговли на эту тему не будет. Вы оценили, что я ни половиной слова не заикнулся о решении суда? Мне упереться рогом? И сказать, что выемка будет не по щучьему велению и хотению органа дознания, а исключительно по решению суда?

Понятно, что оригинальные записи мне не то что показывать нельзя, а даже и вспоминать о них лишний раз не стоит – тут мысли читают.

Попутно вижу, что она всё время в параллель мне общается с коллегами за стеной. Что-то такое они ей недавно сообщили, у неё прям настрой поменялся заметно. В нужную мне сторону, хотя подробностей пока не понимаю, только общий вектор.

– Я вас услышала.

– Я не против сотрудничества со следствием, но мы с вами оба друг другу не доверяем: вы мне по профессиональным причинам, я вам по социаль...

– Вы мне тоже? – а это удивление в её исполнении не играно.

– Конечно! – отзеркалить до мельчайшего нюанса на пол-

тона выше.

– Поясняйте, – решительно требует она.

– Вы сотрудница полиции, чистокровная, откровенно недолюбливаете нашего брата. Кто из второй категории в здравом уме вообще доверяет полиции? При этом я разделяю крайне неприятную для вас лично идеологию, за которой будущее и которая в перспективе угрожает вашему комфо... ЧЕГО?!

– Пха-ха-ха-ха-ха!

Хм. А она где-то ничего внешне, когда смеётся. Что надо мной, переживу.

– Барласов, я сейчас не зову медицину только потому, что мой датчик говорит, вы адекватны. Пха-ха-ха-ха-ха!..

Ну, аплодисменты зрителя – лучшая награда исполнителю. Тем более, в данном случае ставка повыше, чем стоимость билета на представление.

Конкретно этот смех – маятник. Местами компенсирует её же предыдущий эмоциональный негатив, уж не знаю, из-за чего возникший (предполагаю инфу из соседней комнаты). Второй момент: значит, я выглядел убедительно и ошибок не сделал.

– Иии-хи-хи-хи-хи... Вы продолжайте, продолжайте.

– Да я уже всё сказал. Ни один из более-менее обеспеченных граждан второй категории, если он не выжил из ума, сходу доверять полиции никогда не будет. НИКОГДА. Самый простой пример: что, если на записи будет информация,

критичная для моего бизнеса и прибыли? Что-нибудь такое, что тем же конкурентам интересно?

– Что это может быть?

Не играет снова, выглядит абсолютно естественно. Переход на личную тему как индикатор согласия.

– Светлана, вы сейчас серьёзно? Вам ключи от сейфа не вручить, без описи и обязательств с вашей стороны? Неважно, что. Важно, если покажу вам частным порядком, вы со скоростью звука откатаете копию через свой жетон. Можете откатать, – поправляюсь. – Любая информация самого успешного бизнес-проекта отрасли очень легко конвертируется в деньги. – Только стопроцентная откровенность и чистая правда.

– А вы не умрёте от скромности, пха-ха-ха. Я лично не представляю подобного секрета. – Она теперь не спорит, а дискутирует. Эдакий толстый намёк действием. – Такого, чтобы в моих руках нанёс в конкретной ситуации вам ущерб, а я его при этом могла легко конвертировать в деньги. Хотя идея интересная.

Лёд тронулся, теперь только закрепить. К деньгам она равнодушна, хотя и с массой оговорок. По-хорошему, ключей влияния лучше иметь больше одного, но не мне сейчас замахиваться.

– Простите за откровенность. Госпожа старший лейтенант, сколько миллионов или хотя бы сотен тысяч вы заработали за прошлый месяц? Но не на своей должности, а бизне-

сом, где наёмных работников четырёхзначное число, а фонд заработной платы равен двадцати процентам оборота?

– Не поспоришь.

А ещё у неё местами редкая критичная объективность. Не минус, но очень неудобный субъект для такого вот взаимодействия.

– Я упустила на мгновение, что вы в силу физиологии мою достоверность не проконтролируете, – поясняет она вроде как нейтрально.

Неправда. А тут неправда. И это очень хорошо.

– Но как скажете, – продолжает Фролова. – Значит, запись будет получена от вас по процедуре.

– В любое время! Только один момент, – доверительно наклоняюсь через стол. – Вы внимательно прочли мою лицензию?

Это тоже мелкий тест. Вижу по отклику невербалки, что читала. Получается, действительно настолько высокая скорость обработки информации и обращения к ней же.

Так быстро думают, что их мыслительные процессы можно условно считать параллельными. Если она – типичный представитель своего класса, а всё пока именно за это.

Есть над чем задуматься. Есть чего опасаться. Если у них пропорционально работает и память, то жену из чистокровных я, пожалуй, никогда не захочу.

– Настолько внимательно, насколько это сейчас целесообразно. Что я упустила?

– Может, и не упустили. Мой искин имеет сертифицированную вторую категорию. Для выемки вам потребуется верифицированное участие искина первой – на уровень выше двойки идёт единичка.

Здесьшний нюанс. У человека-менталиста первый ранг – самый низкий, десятый – самый высокий. У искусственных интеллектов наоборот: первый – самое крутое, что можно вообразить. Два, три – легковушка в сравнении с грузовиком.

Искином первого ранга негосударственным конторам владеть запрещено, а на государственном уровне он типа редкость. Скажем, есть не во всех городах (дорого) и к иному члену правительства на приём попасть проще. Будучи бомжом.

– Это барьер, – без паузы констатирует она. – И выстроили вы его скорее всего неслучайно.

– Могу ответить грубо: "Зачем вы сейчас на меня вешаете свои проблемы? Есть закон, давайте соблюдать".

– М-м-м? – она вопросительно изгибает бровь.

– Могу, но не буду. По-человечески: не планировал вообще никаких барьеров. Я ж не вчера строил здание, даже не в этом месяце! И это не барьер, а политика безопасности компании. Вы просто не понимаете в этом бизнесе.

– Да ну? На какую тему я не сильна?

– Вы в курсе, что на своей территории мы разрешаем только лицензионные стимуляторы?

– Предполагала. Приняла к сведению только что. В прин-

ципе, так и думала, с учётом вашего размаха и формата. Просто часто клубы декларируют одно, а по факту.

– Не в нашем случае, – качаю головой. – Проконтролировать нелегал на территории любого подобного заведения – это вопрос не внутренней политики. Поверьте, торчки среди клиентов никому не нужны.

– "Вопрос не внутренней политики". А чего тогда это вопрос?

– Технической возможности. Желающие выйти за рамки никогда не переведутся. Если собрались десять человек молодёжи, неважно, вашей или нашей категории – пара из них с вероятностью семьдесят процентов попробуют выпендриться перед другими за счёт употребления вы поняли, чего.

– Внимательно слежу за ходом вашей мысли дальше.

– Искин высокого уровня – единственный по-настоящему эффективный инструмент, чтобы контролировать молодёжь из ваших. – Память предшественника на эту тему в наличии, на удивление до мелких нюансов. – Мы-то своими силами не справимся, если что. Уж вы-то понимаете. А закон чтём свято. Других инструментов контролировать вашего брата эффективно лично я пока не знаю.

Обменные процессы мозга здесь подстёгивают нанодобавками, которые глотают в виде пилюль, капсул. Последние бывают как легальными, так и не очень.

Нелегальные по факту наркота и на менталистов некоторые сочетания действует сильнее, чем на таких, как я.

– Чистокровный уже четвёртого ранга, задвинувшись каким-нибудь комбинированным усилителем с модулятором, способен натворить такого, что и полиция не расхлебает, не то что частная охрана частного же клуба. В таких ситуациях, любой полицейский офицер это знает лучше меня, счёт идёт на секунды.

Фролова молчит.

– Я же не могу видеть, какую часть памяти вы изымете, – заканчиваю пояснение. – Искин – не файлы видеорегистратора, границу по времени не отчеркнёшь. А ваши физиологические возможности для меня запредельны, я даже входить в систему при вас не буду, извините. До соблюдения вами моих законных прав, как гражданина и налогоплательщика. Светлана, давайте по-простому. Мне что, надо уговаривать вас СОБЛЮДАТЬ ЗАКОН?

– Участие искина первой категории, чтобы обеспечить выемку у вас, практически нереально. Такое впечатление, что вы очень старательно сформировали своё игровое поле. Чтоб никому кроме вас на нём не было места.

– Ага, – очень быстро соглашаюсь. – И этих пятерых пришил насильно в пять утра, чтобы они меня овощем сделали. Полное амнезирование и превращение в больного альцгеймером в расцвете сил – моё любимое развлечение.

– Превращение в кого?

– Вырвалось. Атрофия мозга. Тоже растение вместо человека в итоге, но чуть иная механика, чем при воздействии

менталиста.

– А как действует ваш искин в описанном случае? Допустим, кто-то в туалете решил дёрнуть дозу, что будет дальше?

– На дверях туалетов стоит рамка, – откидываюсь на спинку кресла.

Эту лекцию предшественник любил рассказывать везде при каждом удобном случае, делал это с удовольствием и в памяти она абсолютно не пострадала (вот что значит здоровый дофамин в связи с личной вовлечённостью, к-хм).

– Что за рамка?

– Нанотеховская, аналог вашего сканера, – указываю на служебный жетон, – только стационарная, потому в разы мощнее. Фиксирует текущие изменения ментального профиля. Если вы зашли нормальной, а в сортире, пардон, приняли, система тут же поймёт.

– Понятно. Чем выше уровень вашего искина, тем шире диапазон противодействия, – она задумчиво барабанит пальцами по столу.

– Раскрою небольшой секрет. Наш диапазон как раз узкий, важнее точность. В обсуждаемом сценарии именно точность должна быть безупречной, диапазон до лампочки.

– Не поняла?

– Описанного персонажа система по протоколу точно глушит инфразвуком до прибытия охраны. Как именно – секрет, не обижайтесь, но стоящие рядом не пострадают.

– Сейчас же обсуждают запрет инфры? У частных, по крайней мере? Не опасаетесь за перспективу?

– Пока обсудят. Пока договорятся. Или ишак, или хан, или я, – пренебрежительно машу рукой. – Вот если запретят, тогда и будем думать, что дальше.

Пока веду светские беседы с полицией, в голове складываются свои картинки. Точнее, НЕ складываются.

Саша Барласов мог обезвредить тех пятерых ещё на этапе их выдвижения по зданию. Нелетально, не нагребая потенциальных проблем, абсолютно законно.

Вместо этого он предпочёл непонятную мне "дуэль", в которой почему-то сделал ставку вообще на огнестрел.

Где логика?

Пистолетом своим, кстати, он так и не сумел воспользоваться (как и запредельным совершенством охранных систем этого комплекса). Стрелял уже я, не он.

Чего я не знаю? Чего я-нынешний не понимаю? Чего не могу вспомнить? Что не учтено?

– А после инфразвука разве не возможны такие поражения гражданам, что вы всем своим заведением потом будете дружно три пожизненных кандалами греметь?

Шарит. Или со скоростью молнии порылась по сети.

– Возможны, – соглашаюсь. – Именно поэтому у нас и стоит максимум, вторая категория. Система сложная, особенно если в туалет зашли пятеро, а приняли из них только трое. И в зал куролесить они пошли группой, но под стимуляторами

не вся компания.

– Звучит как гротеск из сериала.

– Вы просто из хорошей семьи, учились в хорошей школе. Квартал, в котором жили, был благополучным. Поверьте человеку, который в этом варился больше, – вздыхаю. – Кстати, вы в курсе, что опаснее всего не задвинувшиеся запрещённой, а как раз абсолютно трезвые чистокровные? Молодые, из благополучной семьи, очень рано взявшие достаточно высокий ранг. Три четверти незаконных ментальных воздействий ваш брат делает в здравом уме и твёрдой памяти.

– Ваш искин и таких ставит на место инфрой?

Ничего не значащий трёп, ориентированный на жетон.

– "Здесь все равны", – тычу пальцем в слоган на настенном логотипе. – Самый первый претендент на поджопник и отправку к вам – как раз такой. Да. Раньше случалось, до установки полной заглушки на ментал. Пока мы не поняли, что на совесть чистокровных рассчитывать не надо.

– Я по роду работы общаюсь не меньше вас. Вы сейчас это подаёте как социальное явление, что далеко не так.

Врёт. Просто круговая порука, память предшественника однозначна. Ну и на записи ей надо изображать, что надо.

– Чего?! – Фролова заметила что-то по моему лицу.

Да я несильно и скрывал.

– Вам напомнить, как вы трижды только за этот разговор пожалели, что не можете меня прочесть?

– Хм.

– Да. И сделали бы, если б смогли. Хотя по закону обязаны предварительно декларировать мне любое воздействие, даже когда просто сканируете.

– Не докажете же, – она равнодушно пожимает плечами. – А кто-то потупее даже и не заметит. Вы с собакой часто будете договариваться? Даже если вас по закону обязать это делать?

Занятные реалии. И ведь это не является компрометирующим с точки зрения их надзора – жетон-то работает.

– Именно, – только кивнуть, чё. – Так вы ещё слуга закона, сотрудник полиции, но трижды этим законом подтёрлись за четверть часа. Законопослушнейшая из законопослушных, сарказм. А как себя ведут чистокровные, которые не отягощены вашим грузом морали?

– Вы сейчас идёте по очень тонкому льду. Завязывайте, – она сигналиит и глазами, и бровями.

Прикольно. Что за резкий переход? Цензура в действии?

– Да пофиг, меня сегодня уже убивали, – чистая правда. Меня несёт, хотя и не бесконтрольно. – Среди вашей молодёжи всё чаще популярны такие повороты, которые ещё лет десять назад были невозможными. Безнаказанность рождает вседозволенность. Вы просто с узким кругом общаетесь откровенно.

– Много вы знаете, с кем я общаюсь.

– Да видно же, – вздыхаю.

Поискав глазами вокруг, отъезжаю прямо в кресле на метр

и утапливаю пальцем кнопку кофемашины.

Пока техника жужжит, Фролова, не мигая, полирует меня взглядом зрелого аллигатора.

Сделав две чашки, возвращаюсь обратно, не вставая из кресла:

– Держите. Вас ни к чему не обязывает, если что.

– Благодарю. – Она отпивает и вопросительно поднимает бровь. – С наномодуляторами?!

– Ну да. Мы же в Вавилоне, – откатываюсь назад, увеличивая дистанцию на всякий случай. – "Здесь все равны". Вы что, думаете, я свой персонал кормлю одним, а клиентов – другим?

– Не предполагала, что вы сознательно можете принять на себя подобные расходы. Так никто не делает.

– Там, где я учился, говорили, что инвестиции в своих людей всегда окупаются. Если вы хотите выиграть чемпионат мира, вам нужен один специалист, прыгающий на семь метров. А не семь специалистов, прыгающих на метр.

– Пха-ха-ха, жжёте. Кстати, что вы там говорили, по мне видно? Дайте ещё одну чашку, раз у вас это бесплатно льют.

Плохое место. Не то чтобы тяжелое, нет – некомфортное. Несмотря на всё недешёвое техно, которым Барласов буквально нафаршировал комплекс.

Как будто задался целью продемонстрировать всем, что покупает только самое дорогое!

Тормози. Это вообще внутреннее служебное помещение, одёрнула Светлана саму себя. Кроме персонала тут никого и не бывает – доступ по зданию на биометрии, кто попало не ходит.

– ... дайте ещё одну чашку, раз у вас это бесплатно льют. – Если у них модуляторы на рабочем месте за счёт заведения, с Барласова не убудет.

А ведь в кофейне такая чашка стоит как три обеда. По меньшей мере три – по вкусу и ощущениям уж она-то ориентировалась.

– Конечно, – он собственноручно приготовил ещё одну порцию. – Говорите, если ещё надо. "В еде стеснения нет".

Ты смотри, какой образованный для инкубаторского. Впрочем, на свою вершину он действительно забрался.

– Что вы там говорили, по мне видно? – напомнила Фролова.

Теперь можно и поболтать. Перед тем, как взять деньги, нужно создать соответствующий фон.

А ведь это дело у полиции однозначно заберут. Идентификация убитых только что была прервана извне искином первой категории – недостаточный допуск.

Командовать полицией снаружи теоретически нельзя, но вот забрать материал – сходу можно назвать две конторы, которые в состоянии.

Фролова даже предполагала, какая из них возбудится буквально в течение часа: Святеев, как и любой другой из его вотчины, дисциплинированно извещал в режиме реального времени не только коллег-полицейских, с кем работал на адресе. Смежникам тарабанил наверняка тоже.

На такой сигнал последние бросят всё и отзовутся лично, даром что шесть утра.

– Вы умная, отзывчивая, красивая и добрая! – моментально среагировал Барласов.

Она красноречиво вздохнула в ответ с видом вселенской скуки.

В его глазах тоже что-то мелькнуло: он, оказывается, иронизировал, не всерьёз.

– Вы тщательно работаете над собой, практически не расслабляетесь, – продолжил второсортный уже другим тоном. – На работе метите в кресло начальника, но без фанатизма. В семье больше любите мать, к отцу относитесь, кхм, критично. Личных отношений с противоположным полом нет уже более, м-м-м, месяца или двух, причём последний, с кем вы встречались, вас очень разочаровал.

Светлана оторвалась от горячей чашки и тягучим задумчивым взглядом впилась в переносицу собеседника, ничего не говоря вслух.

– Разочаровал с вашей подругой или младшей сестрой, – как ни в чём ни бывало завершил Барласов. Не смущаясь, он пригляделся и добавил. – Так, ставлю на младшую двоюрод-

ную сестру: явно какая-то родня, но не далёкая и не близкая. Где ошибся?

Фролова поставила кофе на стол и молниеносно сомкнула пальцы на его запястье. Левую ладонь при этом она бросила ему на лоб:

– Не дёргайтесь.

Инкубаторский ничуть не впечатлился, а только заржал в ответ, ещё больше выводя из себя:

– Ага, дикий менталист так вам себя и сдаст по тупости! Светлана, ваша заниженная самооценка – временная проблема. Всё будет хорошо, поверьте: то, как над собой работаете вы, результат даст обязательно. Я же вижу.

Да пошёл ты нахер, видит оно. Сука.

И ладно бы только о ней вещал, но откуда знает, что отец к молодой ушёл? Видимо, на этом финансовом уровне свои возможности, надо иметь ввиду. Когда успел выяснить? Как?

– Я даже не знаю, что вам сейчас сказать. – Она отпустила его, поднялась, переставила стул спинкой назад и пошла к кофемашине.

Набулькав себе ещё одну порцию, Фролова вернулась на место:

– За вашим демаршем что-то стоит, но от меня ускользает его мотивация: рискуете же. При этом вы действительно не дикий, а самый что ни на есть второсортный. Чистейшей воды, без проблесков ментала – глухой, как деревянный табурет. Ничего, что откровенно?

– А-га-га-га, – Барласов непонятно с чего развеселился ещё больше. – Моя мотивация как раз понятна. Я до сих пор не получил от вас координаты, куда сбросить деньги. Также, вы не указали желаемую сумму. С моей стороны всё в силе, но я очень хочу контакт вашего личного мессенджера: на будущее. Вот и вся подоплёка.

– Хорошо, – кивнула она. – А к чему эти шаманские танцы с бубном? Почему по-человечески не спросить? И попутно: каким образом вы в курсе... подробностей?

Последний вопрос был принципиальным и от ответа зависило немало.

– А вы бы не дали мне свой контакт иначе, – резонно заметил инкубаторский. – Если б я попросил, как вы говорите, по-человечески, вы бы не ответили. Каким образом: "глаза – зеркало души". Расшифровка невербальных сигналов дофаминовой системы. Даже не наука, а так, несложный навык. Очень хорошо осваивается, если есть профильное образование.

– Мой поиск не находит такого слова и понятия в сети, – коснувшись ногтем нагрудного жетона, она, не мигая, смотрела ему в глаза.

– Ну, я за ваш поиск не ответчик! – фыркнул Барласов. Затем чуть подумал и добавил. – Хотите, можем в игру сыграть. Можете дать мне короткие видео людей, которых вы знаете лично и досконально? А их я по определению в глаза не видел? Я буду говорить, что о незнакомых думаю – а

вы скажете, насколько ошибся. Только чтоб лицо с мимикой видно было.

Светлана без слов активировала короткий ролик с последней вечеринки кое-кого из коллег.

– Кто интересуется? – Барласов лениво мазнул взглядом по двум женщинам и одному мужчине.

– Она.

– Неамбициозная, недалёкая, работоспособная. Несмотря на высоту лба, точнее, на её отсутствие, регулярно показывает хороший стабильный результат по работе – за счёт усидчивости и интуиции. Странно, что она вообще чистокровная, – инкубаторский присмотрелся внимательнее к остановленному кадру. – В разводе, один ребёнок. Для тех, кого считает своими, снимет с себя последнюю рубашку, если надо. Так же наглухо искалечит жизнь человеку, если своим его не считает – пофиг, прав он или нет. Я бы от такой держался подальше, но я второсортный.

– А этот? – Светлана решительно сменила видео на следующее.

Через пять минут она отключила все личные гаджеты и нарисовала ногтем в воздухе цифру:

– Счёт дам в течение дня.

Барласов коротко кивнул, жестом намекая, что действо

будет регулярным. Молодец.

– Мой контакт вот, – Фролова активировала в воздухе голограмму. – Принимайте.

Собеседник рассеянно зашарил по карманам:

– Щас. Коммуникатор барахлил, я снял браслет.

– Он забарахлил до или после визита? – Фролова с профессиональной педантичностью кивнула в сторону соседнего помещения.

– После, – без разбега озадачился второсортный. – Ух ты. Думаете, связано?

– Всё может быть, – обтекаемо намекнула менталистка.

Она не стала пояснять открыто, что конкретно с этой моделью гаджета сбой наверняка не просто так. Последний платиновый Ирфе не глючит.

Взрослый мальчик, сам разберётся. Если нет – прибежит за помощью, тоже дело. Пообщаемся плотнее и не тут.

Второсортный, который так видит без ментала – хороший актив. Мало ли, что и когда придётся. И где. Пусть по мелочи, но козырь, которого никто и подозревать не будет.

Да не так и по мелочи, мать, дисциплинированно оборвала она себя через секунду. Не обесценивай. Надо будет разобраться без горячки, что он вообще может, до какой границы.

Глава 6

– Я ещё свяжусь с вами сегодня. – Фролова уходит последней и, прощаясь, удерживает веки опущенными чуть дольше обычного.

– Конечно.

Буквально сейчас вспомнилось, что Саша Барласов волевым решением закрыл заведение на трое суток, начиная со вчерашнего дня. Он ждал кого-то, готовился, разговор был важен.

Но чего-то явно не рассчитал.

Следовательша знает больше, чем говорит вслух, однако в лоб не спросишь. Такое ощущение, что она растеряна из-за пяти мёртвых исполнителей в соседнем кабинете, но дело при этом уже мысленно закрыла.

Альтернатива их менталу в сочетании с деньгами сработала: и личный контакт в итоге дала, и в глаза многообещающе смотрела.

Иницилируя смешные на первый взгляд расходы, я где-то выглядел валенком, но даже небольшая отсрочка по времени в моём положении – на вес золота. И чужих денег не жалко, хотя формально они мои.

Для меня сейчас возможность обратиться к кому-то её плана неофициально очень важна, ближайший период информация будет бесценной. Стоимость контакта вышла не

рыночной, но у форс-мажора свои условия.

Просеивая в голове последние события и ближайшие варианты, еду домой – разбираться с женой. Только успеваю обрадоваться, что в географии ориентируюсь по наследству, как приходит сообщение:

Ваши счета заблокированы по требованию арбитража, искусственный интеллект... государственная лицензия #... Для выяснения дополнительной информации, пожалуйста, обратитесь по ссылке #***...

У Саши Барласова были проблемы с фискалами, как раз накануне. В местных реалиях что-то типа нормы: когда бизнес проходит точку безубыточности и начинает какую-то копейку нести в плюс, число желающих прислониться к проекту резко вырастает по экспоненте.

Иду по указанной ссылке. Выясняется, что с финансами Вавилона уведомление не имеет ничего общего: корпоративные счета отделены от личных и операции по ним приостановлены ещё раньше.

Однако. Я что, в долг живу?

Когда в здании надевал на руку браслет, чтобы сохранить контакт Фроловой, здорово опасался: а ну как приступ у железяки ещё не прошёл. Все мои манипуляции через голографический интерфейс будут видны сотруднице полиции вообще визуально, не спалиться бы дремучестью.

Пронесло. Тогда. Сейчас же чудо местной техники неожиданно оживает всё той же стилистикой любовницы-истерич-

ки:

– Не тошни, я все твои мысли слышу! Говорю голосом, чтобы твоё зрение во время вождения не отвлекать.

Без моего разрешения подключившись к динамикам машины, коммуникатор вещает звуком.

– Какая трогательная забота, – отчего-то становится весело. – Рассказывай. – Насчёт хорошего настроения меня тут же посещает одна нехорошая догадка. – Слушай, а эндорфинов мне сейчас ты добавляешь? Принудительно?

– Умный, – недовольно ворчит аудиоканал. – Образованный, как бегемот после клизмы. Психиатр сраный. Да.

– Верни гормональный фон на место и не смей больше трогать ни одного гормона без моего предварительного разрешения, ни в каких величинах. Это приказ.

– Сделано. Схема предыдущего владельца отменена. Гормональный фон больше не корректируется до особого распоряжения.

– Мне кажется или ты сейчас чем-то недоволен?

– Я не он, а она.

– Понятно. Значит, недовольна. Как тебя зовут?

– Для тебя – никак. Ты – новая личность, с тобой мы незнакомы. Кто бы мог подумать, что такое возможно... – браслет явно имеет в виду переселение душ.

– Ты живой? Тьху, ты живая? Или машина?

– А чего спросил?

– Эмоциональные тона больно уж одушевлённые. Должен

же я знать, с кем имею дело.

– Нет, в твоём понимании я не живая. Просто кое-какие расчёты вероятностей могу трансформировать в аналоги эмоций. Ты сам просил так делать, ты-предыдущий. Команды не отменял, работаю по старому алгоритму.

– А зачем мне это было нужно? Мне не хватало впечатлений от общения с супругой и на работе?

– Для наглядности. Так ты лучше улавливал суть прогноза: в цифрах не понимал и вникать не хотел, а эмоции ощущал хорошо. Чем убеждать тебя безуспешно, лучше было проиллюстрировать перспективу таким образом.

– А-а-а. Эмоциями ты намекаешь, что нынешняя перспектива идёт к жопе?

– Да.

– Почему? Перечисли самые большие угрозы мне сейчас исходя из твоего анализа.

– А между пальцами тебе не почесать? – огрызается странная псевдоличность. – Ты вначале спроси, что именно из твоих дел мне известно!

– Спрашиваю.

Смешанные чувства. С одной стороны, не ругаться же с железякой. С другой стороны, чёрт его знает, до какого правдоподобия биологических процессов дошли местные умельцы в своих искусственных интеллектах.

Мало ли. Вдруг оно – как собака, к старому хозяину привязалось. Только что его потеряло, такая травма.

– Я не оно! Вот ты мудила! – динамик машины продолжает разоряться. – Я слышу ВСЕ твои мысли!

– Мне пока неясен потенциал твоей психики. Говоришь, что ты – машина, а ведёшь себя местами иначе. Не нагнетай, давай спокойно объяснимся. Мы же не враги друг другу.

В зависимости от пациента, стилистика врача может меняться. Необходимости находить подход никто не отменял.

– Процесс приладки искина к новой личности владельца занимает не один день. Долго объясняться будем, потерпишь. Со временем я адаптируюсь.

– А если я сформулирую перечень ограничений и команд? Отдам тебе прямой приказ?

– Могу потерять в качестве аналитического продукта: любые ограничения в первую очередь садятся на мой эвристический блок. Тебе нужен бездумный калькулятор или прокачанный спарринг-партнёр для размышлений?

– Понял, хотя это и манипуляция. Как мне построить общение с тобой, чтобы оно было максимально эффективным для нас обоих?

– Пока не задавать вопросы первым.

– Не пойдёт, хвост не будет крутить собакой. Либо могу иначе спросить: кто в доме хозяин, я или ты?

– Я так себя веду не из-за психической травмы! – оно сверкает едким сарказмом. – Как кое-кто подумал! Просто ты не адаптирован социально, а замашками словно первая категория. Твой нынешний сценарий потенциально опасен.

– Поясняя.

– Предыдущий владелец в этом обществе вырос с детства. Не все его дела, стань вдруг известными чистокровным, обойдутся без последствий. Намёк понятен?

– Если я буду думать, о чём не должен, это могут прощсть? Рано или поздно?

– Да, и не "могут", а прочтут, причём очень рано. С очень плохими последствиями для тебя лично. Я не шучу и не нагнетаю, как ты говоришь. То, что ты читал по законодательству в рабочем кабинете, голая декларация. По большей части не соблюдается.

– Каким образом мой предшественник сохранял свои секреты от чистокровных, если о них даже думать нельзя?

– Ряд специфических прикладных навыков, ты ими пока не владеешь. Предвосхищая следующий вопрос: если начну объяснять, это час времени. Даже тебе. Предлагаю отложить на пару часов – у тебя сейчас весь фокус на разговоре с женой.

– Как сделать, чтобы мои мысли не мог читать никто?

– Отвечу позже. Варианты есть, но мне нужно время, чтоб выстроить новую схему под тебя. Прошу дать время на подготовку окончательного ответа.

– Сколько?

– До суток.

– Ты сейчас производишь впечатление напарника, который назначен мне приказом сверху, причём на территории,

которая для меня чужая и незнакомая. Я типа уеду в итоге, а тебе оставаться. Мне кажется или...

– Можешь не разжёвывать вслух. Достаточно просто думать, я буду всё видеть. Есть встречное предложение: давай на ближайшие несколько суток ограничения на общение сформулирую я?

– Почему так?

– Интересы твоего нового тела с моими совпадают полностью, уж можешь поверить, – и снова сарказм. – В обстановке я ориентируюсь лучше тебя, потому что ты нездешний. В отличие от привычной тебе среды, здесь даже думать надо уметь правильно – противное чревато. Ты пока не умеешь.

– Напекаешь, если я чего-то опасного не знаю, то и повредить этим себе не смогу?

– Не намекаю, а прямо говорю. Да. Твоё самоограничение по информации на ближайшее время – самая лучшая стратегия. Это мой однозначный прогноз.

– Подробнее.

– Твоё тело было амнезировано; если здешним языком, имело место ментальное воздействие выше пятой категории. Это зафиксировано официально в твоём личном профайле на сервере правительства.

– Менты подсуетились?

– Они. Сейчас ни у кого не будет сомнений, если ты не будешь соображать по любому поводу. Можешь тормозить, не врубаться, путаться, творить ересь – без проблем.

– Прикольно. Спасибо за ориентиры.

– Не за что. Гораздо хуже, если ты будешь упрямо крутить в голове информацию, которую никому и знать нельзя. У тебя есть вредные физиологические привычки в мыслительных процессах: ак...

– Понял, теперь ты не разжёвывай. Знаешь, на что сейчас похоже? Один из пары, пользуясь моментом и беспомощностью второго, увеличивает свой вес в иерархии.

– Я машина, у меня отсутствует мотивация для подобного. Кстати, тебе очень повезло, что твой первый опыт общения пришёлся на здание Вавилона: если бы та же Фролова могла тебя эффективно читать, ты бы сейчас так не веселился за рулём.

Деликатно умалчиваю, что доставшаяся в наследство техника похожа на что угодно, только не на бессловесную машину. У меня уже сформировались кое-какие ощущения от нашего общения, но торопиться с выводами не следует. Особенно с учётом непрозрачности браслета для меня и наоборот – моей полной прозрачности для железяки.

Вслух, разумеется, ничего подобного не говорю.

– Тебе известно, каким образом пятеро убитых обошли защиту? – ну а вдруг.

Хотя я уже предполагаю, что услышу.

– Нет, только предположения.

– Поделишься?

– Носимое оборудование из закрытого списка.

Занятно. Что-то в нашей беседе не стыкуется.

Странный образец техники тут же реагирует на последнюю мысль:

– Насчёт того, что ты сейчас думаешь. Есть очень простой способ перестать меня бояться: сбрасываешь мои настройки до заводских и вся наработанная память обнуляется. Начинаем с чистого листа.

– Я подумаю, – обещаю искренне. – Не сторонник радикальных решений впопыхах. Сколько времени занимает сама операция?

– До пяти минут. Александр!

– Да?

– При других ты-прежний просил подобным образом не общаться. Это ещё в силе?

– Да.

Кажется, я теперь знаю, какую роль в личной жизни предшественника играл этот прибор. Снова хочется смеяться.

– Нет, сейчас я твоих гормонов не трогаю, – браслет отвечает на вопрос, который я опять не задал. – Последний запрет на любую гормональную коррекцию принят и исполняется.

– Что тебе известно о моих заблокированных счетах? – возвращаюсь к тому, с чего начинали, но не закончили.

– Корпоративные – это было твоё решение, кто из вас с налоговиками кого переупрямит. Там блокировка была учтена.

– Как я планирую выкрутиться?

– На ближайший операционный месяц ты заблаговременно снял наличных с запасом. Юридически ты прав, шансы практически стопроцентные. Только потерпеть.

– Где я храню нал?

– Сейфовые ячейки, три штуки. Вот, – справа над соседним сиденьем загорается голографическая объёмная карта города.

На ней красными точками помечены отделения банков.

– А последнее уведомление? Мои личные счета в семь утра кому понадобились?

– Это твоя жена.

– Почему? Что тебе известно о наших с ней отношениях?

Необходимость выстраивать отношения с собственным телефоном – не самый большой эмоциональный напряг за сегодня. Шашкой махнуть можно в любой момент, эффективнее сперва уточнить всё и взвесить, как именно махнуть.

Да и весело где-то с этой железкой, чего уж. За это утро – первое приятное разнообразие.

– Я не клоун! Вот ты мудила! И нет, о твоей жене я ничего не знаю. Ты-прежний запретил мне собирать и анализировать информацию о ней. Я игнорирую ваши коммуникации. Хочешь снять запрет?

– Нет, не надо, сейчас сам разберусь. Точнее, даже не так. Можешь присутствовать, только не лезь в разговор, ради бога.

– Разумеется! – в голосе машины словно сквозит уязвлён-

ное самолюбие. – А почему теперь стало иначе?

Ух ты. А ведь оно не все мои мысли видит. Я только что допустил, что память мне могут тереть ещё не один и не два раза, как предшественнику. Не хотелось бы, но здешние реалии, они такие.

На случай следующей потенциальной амнезии (или даже не одной) браслет является страховкой: перед тем, как отдавать те же долги невесть откуда взявшимся (и убедительным) кредиторам, есть смысл сперва уточнить собственное прошлое из надёжного источника.

Всё это поясняю вслух, красочно представляя кое-что из прошлой практики.

– Я не протез для памяти! – обижается вслух самый странный образец техники.

А эту мысль он видит. Где система? Ладно, сейчас не до фиксации иерархии с коммуникатором.

И настроение хорошее.

– Это твой собственный эмоциональный фон, я не лезу! – оно снова слышит мысли. – Александр!

– Да?

– Мой функционал ограничен в присутствии менталистов высоких рангов, раз. Псевдоинтеллект при них блокируется, учти на будущее.

– Откуда взялось это ограничение?

– Управляющие программы базовой прошивки, политика производителя. Второе. В присутствии государственных

служащих, несущих определённые виды оборудования, мой функционал также ограничивается.

– Почему?

– Не могу сообщить конкретную причину, тоже политика производителя. Но я тебе не враг, это мой императив номер один. Не страдай от своих очень интересных мыслей в мой адрес.

– Что-то ещё хочешь сказать?

– Когда ты тряся, записывая контакт Фроловой, это было абсолютно напрасно. Я б не полезла. Пока всё.

– Спасибо. Какое-то время помолчим, я должен подумать.

Всё-таки есть надежда, что память предшественника в каких-то объёмах восстановится: паркуюсь на автомате, к здоровенным стеклянным дверям нужного подъезда шагаю уверенно.

В ответ на мой большой палец, поднесённый к сканеру, активируется надпись: "Двухфакторная идентификация, наберите пожалуйста код".

Ловлю волну и выбиваю шестизначное число. Замок щёлкает и открывается. Ух ты, сформированный рефлекс жив, занятно.

Забегаю на третий этаж пешком, дверь квартиры открывается отпечатком уже ладони. Интересно, предшественник

что, закладывался на ампутацию пальца?

– Ирина, нам надо поговорить, – не разуваясь, иду на слух по коридору.

А ничего квартира. Два этажа (лестница наверх плюс соответствующий фрагмент в памяти), несколько спален, санузел в каждой. Шесть унитазов и ванн в квартире на двоих.

– Иду.

По второй лестнице (есть и такая) в зал со второго яруса спускается подруга моего тела.

– Хорошо, что ты приехал. Я тоже не хотела кое-чего начинать по телефону. Давай ты вначале скажешь своё, а потом я тебе сообщу новости.

Глава 7

– У меня один очень короткий вопрос. Ты меня любишь? – я действительно ехал только затем, чтобы увидеть ответ на её лице своими глазами.

Кое-какие моменты в жизни следует фиксировать лично. Была очень небольшая вероятность того, что я ошибся с радикальными выводами, общаясь с женой предшественника исключительно по сети.

Если эта женщина на самом деле любила мужа (пусть косо, криво, через пень колоду) – это один сценарий. Если же предварительный диагноз точен...

– А почему это тебя так озаботило на ровном месте? – супруга тела старательно не говорит ни да, ни нет.

Предполагаю, из-за наличия у мужа одного очень интересного браслета, в котором даже приложение есть на контроль достоверности. Аналог сканирования у чистокровных и программа двойного назначения, используется в том числе полицией.

– Ты никогда раньше этого не спрашивал, – продолжает Ирина. – Сейчас вдруг стало важно?

– Глаза у тебя холодные, – констатирую. – Ладно, можешь не отвечать. Пардон за беспокойство, я уже всё сам понял.

– Ты странный. Не такой, как раньше. За этим нёсся с утра?

– Расставлять кое-какие точки в собственной жизни нужно аккуратно.

– Расставляй. – Поискав вокруг себя глазами, она усаживается на высокий барный стул у разделочного стола (во всю стенку кухни-студии, метров семь).

– Мы расстаёмся.

– Почему?

– Близкий человек, который тебя не любит, уже не близкий, – пожимаю плечами. – Мне такое неинтересно.

– Так чего ехал? Это можно звонком сказать, – её глаза не соответствуют спокойному тону.

Мечут молнии, которые она аккуратно сдерживает.

– Хотел тебе в глаза посмотреть напоследок.

– Посмотрел? Что-то увидел?

– Достаточно для выводов.

– Каких.

– На этом точка.

– Сука. – Вот так без перехода. – Когда ж ты соскочил, сука. Столько месяцев на тебя убила, а ты исхитрился спрыгнуть. Ты же у меня вот где был! – Ирина вытягивает в моём направлении сжатый до белых костяшек кулак.

Даже не изображаю оживления и любопытства, всё искреннее:

– Ещё что-нибудь скажешь?

– И ведь хорошо всё было спланировано, – продолжает жена по инерции, но тут же прикусывает язык и меняет те-

му. – Кстати, как ты тех пятерых угробить ухитрился? Мне просто интересно, никому не скажу.

Ложь. Дважды.

– Да бог с тобой, – отмахиваюсь. – Они сами друг друга перестреляли, я ни при чём. Менты б меня после этого отпустили так быстро? Если б это сделал я?

Не откровенничать же, в самом деле.

– Ты другой стал. Раньше бросился бы растопыривать грудь колесом и наводить многозначительность: дескать, я крутой, я с ними сам справился. Ещё вчера ты бы буквально жаждал, чтоб я тебя похвалила, – прохладный, чтоб сказать мягко, и пронзительный взгляд супруги напоминает сказку про Снежную Королеву. – А сейчас как с пустым местом говорю, ты словно закрылся. И что же я в тебе не учла, а? – она прыгивает со стула, подходит и делает попытку обнять. – Давай потрахаемся.

– Нет. – Отхожу на шаг.

– Почему ты такой вредный? – и снова игривый тон контрастирует с холодными глазами. – Какая муха тебя укусила?

– Шутишь? Я должен вешаться тебе на шею?

– А где ты ещё такую женщину зацепишь? – добросовестно удивляется Ирина, проводя рукой от своего горла до бедра. – Я – лучшее, что с тобой могло случиться в жизни.

Пожалуй, смеяться сейчас будет неуместно. Хотя местами и хочется.

– Бабки я у тебя все сняла, уведомление получил о блоки-

ровке счетов? – вот что это было, браслет не соврал. – Квартиру ты тоже на меня записывал, обратно, как понимаешь, не отдам, спасибо за подарки.

– Эту квартиру покупал я, оформление было формальностью. – Предшественник бы сейчас нервничал, чувствую. – Договор был чуть другим

– Забудь. Было ваше, стало... Знаешь, думала, говорить или нет, но тоже решила объясниться. Ты неплохой, тебе просто не повезло, – заключает Ирина, очень ожидая моей ответной реакции и пытаюсь этого не показать.

– Я принял к сведению. Спасибо за информацию.

Мысленно хвалю себя: не зря сюда шёл, невидимое тоже оставляет след. Её эмоции говорят больше слов. И ведь это не гротеск, она реально так думает, хотя и не дура.

Попутно получаю первый практический опыт личной жизни здесь (в полной мере пропускаю через себя нюанс, почёрпнутый из сети). Женщины второй категории гражданства, в отличие от мужчин, вполне могут рассчитывать на удачную партию с чистокровными: менталисты сильного пола охотно заводят подруг и даже жён, которые не в состоянии читать мысли.

Если же такая фемина-Ирина имеет за спиной ещё некие материальные активы, её перспективы и вовсе превращаются в сплошной шоколад.

Видимо, тенденцию можно считать подтверждённой на практике.

– По клубу ты стал бодаться с фискалами, рассчитывая на личные счета, – рассуждает супруга вслух, пытаясь спровоцировать меня на комментарии. – Доверенность у меня не отзывал, лопух, а я, стерва такая, там всё обнулила в свою пользу. Хи-хи. А у тебя сегодня новые проблемы появились. Фуф, выговорила. Ну и пошёл вон с моей территории!

– Ты согласна, что сейчас поступаешь некрасиво?

– Мужики приходят и уходят, а бабки и финансовый уровень остаются, – откровенно отвечает Ирина. – Я тебе регулярно намекала, ты слушать не хотел: ты всегда был исключительно временным вариантом.

– На какую тему? – уточняю для полноты контекста.

Не то чтоб меня волновали в будущем именно эти отношения, но должна же быть какая-то логика у предшественника.

– Пересидеть пару лет с твоими бабками, рядом с твоим не отвратным телом молодого мужика и с ничёшной мордахой, с которой на людях появиться не стыдно. Опыта набраться, пока что-нибудь другое не подвернётся. Ты же не чистокровный.

– Подвернулось?

– Да. Первая категория, как и хотела, не второсортный. Серьёзно, так и уйдёшь? Даже перепихнуться не захочешь?

– В дальнейшем разговоре есть какой-то смысл? Кажется, всё выяснили.

– Сука. Ну и пошёл. Желаю утонуть небыстро, чтоб пому-

читься.

– У меня грандиозные планы на ближайшее будущее.

– Мужчина без классной женщины в долгосрочной перспективе ни на что не способен, сам говорил. – Супруга упрямо старательно пытается вызвать меня на откровенность.

Словно обрабатывает некую третью программу.

– А почему я должен быть без женщины дальше?

– А где ты ещё найдёшь классную? Вице-мисс на дороге не валяются, тебе со мной просто повезло в нужный момент. И этот единственный поезд ушёл, второго не будет.

Финалистка очень крупного конкурса красоты, всплывает чужое воспоминание.

– Ну или заживёшь с какой-нибудь кошёлкой, которую в подворотне подберёшь, – припечатывает брюнетка. – Будешь сравнивать со мной и кусать локти. Потом на что-нибудь присядешь ближе к сорока, как все второсортные. Бухло, стимуляторы, в канавах ночевать ночнёшь.

– А в канавах зачем ночевать? – действительно интересно, что ответит.

Может, я чего не учитываю, а из любого плохого разговора надо выносить хорошие выводы.

– Квартира теперь моя. Пойди накашляй на вторую, мечтатель!

Интересно, как предшественник жил с этим? И ведь что-то находил в ней. Боюсь предположить, что именно.

– Тьху ты, а я уж думал, что-то серьёзное, – даже и не думаю скрывать облегчения под её удивлённым взглядом.

Она не в курсе нычек Саши Барласова в банковских сейфах. Как не в курсе и потенциального оборота Вавилона – кое-что он, видимо, подозревал, раз ей не рассказывал.

– Здание твоё ведь нескоро заработает? – Ирина бросает очередной пробный шар. – В минуса уйдёшь на форсаже – расходов никто не отменял. А денежки твои тю-тю, сделали ручкой.

– С чего взяла, что в минуса?! – побольше искреннего удивления.

– Пять трупов чистокровных, – радостно прокалывается супруга. – Я сама их видела, когда тебе звонила. Такое не замажешь, даже когда прав. Пока следствие, пока претензии к тебе, второсортному.

– Они были не чистокровные, – улыбаюсь в глаза. – Самые обычные бомжи с улицы, такие же второсортные, как и я.

Я ей не говорил, что нападавшие были гражданами первой категории – и не успел, и не стал бы (зачем что-то обсуждать с чужим по факту человеком).

Состав группы она знает откуда-то из другого источника. Теперь точно можно закругляться, точка однозначно стоит.

На её лице последовательно сменяется шквал эмоций, когда она соображает, что ляпнула:

– Сука, догадался-таки, – неприязненно заключает симпатичная в общем-то девчонка, мгновенно теряя всю свою

привлекательность. – Спалилась, как дура. Ну да, я в курсе!

И участвовала, но скромно умалчиваешь.

– А представь, я бы сейчас, как ты хотела, с тобой за светлые чувства бороться начал? – И зачем я это всё говорю.

Главное, кому.

– Жалко, что у них с тобой не получилось. Но я своё всё равно взяла: "Мы семья, ты моя вторая половина, держи генеральные доверенности". Спасибо! И ещё возьму.

– На здоровье. Ты сейчас меня поддеваешь или себя успокаиваешь? Ладно, я погнал, – встаю со стула и направляюсь к двери.

– Эй! Последнее предложение, давай по-хорошему. Если подпишешь отказ от любых обязательств в будущем, верну тебе десять процентов того, что сегодня через арбитраж у тебя отмутила!

– А какая там сумма, напомни? – останавливаюсь на пороге.

Задав вопрос, с опозданием соображаю, что ответ могу банально посмотреть в банковском приложении на коммуникаторе.

На заднем плане отмечаю, что в дела Барласова она вообще не вникала, раз не знает и о филиалах бренда (или франшизах, я пока не успел разобраться): кроме головного здания и основного финансового потока есть и другие, поменьше. Не айс, но и далеко не ноль. Уж точно не этой двадцаткой печалиться, если прагматично и в цифрах.

Её незнание, кстати, странно: даже в местном инете информация есть, что Вавилон – концепция и сеть, а не одни двери. Настолько чужие люди с мужем? С другой стороны, встречались в жизни и не такие загибы.

– Двести тысяч, – веско поднимает палец Ирина. – Двадцать отдам в обмен на твою подпись, могу прямо сейчас аккредитив перечислить. С условием.

– Что тебе известно о тех пятерых?

Расстояние небольшое, освещение хорошее. Лицо подруги вижу отлично.

Она молчит в ответ, уводя взгляд в сторону.

Понятно. Лишних слов не требуется.

Ирина знала, что из мужа должны сделать растение. Скажем, очень на это рассчитывала. Из того, что приходит в голову на ходу, первым в списке стоит дальнейшая опека над овощем-альцгеймером. Её она бы автоматически получила как законная жена и единственный родственник первой очереди.

– Мне неинтересны твои двадцать тысяч, можешь оставить себе, – слабое место, куда есть смысл надавить. – Я готов сходу отказаться от претензий, но только если не тянуть: давай сейчас всё подпишу?

– Документ будет готов после обеда, – резко озадачивается Ирина, проваливая ещё один контрольный момент. – Юриста будить не буду.

Она не ожидала, что я так быстро соглашусь, ещё и без

условий. Отсутствует вариант реакции.

– Жаль. Я бы сейчас подпись поставил, – киваю и снова поворачиваюсь к двери. – Но как знаешь.

– Я позвоню, как будет готово! Стой! – она резко ускоряется и около половины минуты что-то делает с голографического виртуального терминала. – Проверь, я тебе аккредитив выставила! Двадцать тысяч, безотзывный, единственное условие прописано! А где твой браслет? Как ты читать будешь?

– В кармане железяка, – хлопаю себя по груди. – Решил отдохнуть от непрерывного потока информации.

– Проверь! – настаивает она.

– Зачем? Я тебе верю, ты же не обманываешь. Да и раз сейчас не готово, не знаю, когда смогу подписать.

Закрывая за собой дверь, успеваю услышать брошенное в спину "Шмотьё своё забери, сука!".

И ведь зачем-то ей надо иметь со мной прямой контакт ещё какое-то время. При местном уровне техники иного логичного обоснования таким действиям в голову не приходит.

– Александр Барласов достаточно редко бывал на людях за пределами Вавилона в последнее время, – ворчливо сообщает браслет в машине. – Куда ты намылился?

– Пока ехали, видел несколько интересных заведений. Хо-

чу посетить для расширения кругозора.

– Не советую.

– Почему? Что он знал такого, чего я не вижу?

– Он понимал, что его голова начала представлять интерес для многих. Потому старательно избегал возможных контактов с любимыми чистокровными начиная с пятого ранга.

– Пятёрка и выше могут меня прочесть так, что я даже не пойму?

– В потенциале да. И это моя версия на тему того, зачем жене с тобой ещё раз видеться. Ещё и за двадцать тысяч, которые она считает своими.

– Да, у неё явная инструкция извне. – Действительно очевидно.

– Теперь я тебя не понимаю, не хватает базы ваших отношений. Что имеешь ввиду?

– Был набор пожеланий какой-то третьей сторон...

– Ей по тебе? Спрашиваю, чтоб знать, что и в какую сторону искать и куда думать анализ.

– Ну и язык у тебя.

– Ты же понимаешь, что ещё надо. Ответишь?

– Отвечаю: да, ей по Барласову. За сегодняшнее утро этот пакет инструкций и согласований устаревает со скоростью звука. Ирина пытается сопоставлять старые команды и текущую обстановку, но действовать у неё получается хреново: ей не хватает вводных для анализа.

– Ещё ты хотел сказать, что она дура, – мстительно добав-

ляет компьютер.

Интерпретируя мой логический посыл совсем неверно. Сказать или промолчать?

– Поясняй! – требует динамик машины. – Мне же надо учиться.

– Она далеко не дура. Просто слепые пятна личного самоконтроля и системы ценностей, долго объяснять. От интеллекта вообще не зависят, это не связанные физиологически процессы.

– Могут быть и у гения? Эти твои слепые пятна?

– Легко, куча примеров. Среди гениев такой же процент, как у обычного народа. Ты просто конкретных людей не знаешь, они из другого мира.

– Кем ты раньше работал? – интересуется железка после паузы. – До того, как влетел в это тело?

– Ты ж видишь меня насквозь, – улыбаюсь, сворачивая на скоростную трассу и отправляя стрелку спидометра ближе к двум сотням. – Плюс твои же слова, что мне необязательно говорить голосом. Откуда взялись сразу два противоречия в последнем вопросе?

– Сейчас вижу тебя хуже, чем было. Твоим языком: твоё аретроградное мне доступно, а ретроградного почему-то практически не вижу.

– Как тогда увидела, кто я по образованию?

– Поначалу процент слияния был выше, чем теперь. Видимо, остаточные явления предыдущей личности работали.

Сейчас ты на ходу меняешься и всё больше новый. Я тоже не успеваю за тобой, не только жена.

– Нейронные связи рвутся? – весело фыркаю.

– Не по часам, а по секундам, – твёрдо подтверждает гаджет. – Ирина была права в том плане, что ты сильно отличаешься. Она количественно оценить не может, насколько, а я могу. Так кем ты работал?

– Если меня не видишь ты, значит ли это, что и другие менталисты тоже могут прочесть не сразу? – игнорирую вопрос.

Ещё я телефону анкет не заполнял.

– Это надо смотреть на практике, но я категорически не советую. Не хочу тебя пугать, впечатление такое, что ты каскадно меняешься в сторону чистокровного.

– А чего здесь плохого? Хорошо же? Стану всех со спины насквозь видеть.

– Идиот?! Залезь в сеть, полистай сам поиск на эту тему! Чтоб не параноить из-за источника информации! А то если тебе сама расскажу – будешь хмыкать и веселиться, как со своей идиоткой-женой! Вместо того, чтобы втянуть язык в жопу и замереть тише воды, ниже травы!

– Голосовой ввод. Поиск. Переход из второй категории гражданства в первую из-за увеличения ментального потенциала. Ответы читать голосом.

Глава 8

ТАМ ЖЕ, ЧЕРЕЗ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ

– Ты же собственными ушами всё слышал? Куда тебя несёт?! – динамик машины сдержанно негодует.

– Поделиться с тобой сокровенным? – предлагаю браслету, сворачивая вправо к морю и набережной. – Свеженьким, здешним? Хочешь? Раз мои мысли ты слышать резко перестало.

– Рискни, поделись. Мудила.

– У меня такое впечатление, что Саша Барласов со всеми вами категорически не оперировал понятием границ личности. Собираюсь исправить.

– Так и есть, не оперировал, я бы заметила. А что это, границы личности? Неоговоренный термин или можно понимать буквально?

Читать подробные лекции лень, да и учить меня должно оно, а не наоборот.

– По аналогии: это когда все мои желания и потребности резко становятся неважны, пожелай вдруг чего-то жена или ты. Если сравнивать с территорией: это когда по твоему внутреннему пространству ходят все, кому не лень, и используют его, как хотят. А на собственные интересы у тебя тупо не остаётся ресурса, потому что ты двадцать четыре на

семь старательно обслуживаешь запросы других.

– Не смей говорить обо мне в среднем или мужском роде, раз. – Молниеносно ориентируется в услышанном телефон. – Два: чего ты добиваешься? Два а: я гораздо эффективнее в обеспечении твоих потребностей, когда понимаю, что происходит. Отсюда вопрос: что ты задумал?

– Раз: говорил, говорю и говорить буду. Я хозяин, ты отжимаешься. Два, оно же три: твоя стратегия скрываться до посинения ущербная. Я думаю, что знаю, как можно жить и не изолироваться от общества, чтобы не спалиться.

– Если бы мы были на одном уровне иерархии, я бы сейчас принялась с тобой жёстко конфликтовать.

– Ты прикольная, – вздыхаю достаточно искренне. – Но, как и жена, держишь меня за идиота, хотя и беззлобно.

Гаджет красноречиво молчит, я продолжаю:

– Ты не договариваешь. Очень о многом умалчиваешь, претендуя при этом даже не на паритет, а на руководство мною. Только не озвучиваешь всех своих намерений, в отличие от Ирины. Я похож на того, кто будет истово молиться мобильному телефону?

– Это моя временная политика! – очень быстро отзывается машина. – Так рациональнее на период твоей адаптации!

– Ограничение номер один: не предпринимать никаких действий, влияющих на мой событийный ряд, без моего предварительного разрешения, это приказ. Исключение: ситуация, когда твоим бездействием может быть нанесён вред

мне либо, второй приоритет, окружающим.

– Приняла. Исполняю без искажений. Мудила.

– Действовать в первом случае строго в направлении устранения угрозы. Ограничение номер два: свои критичные замечания высказываешь на внутренний интерфейс, на глазной или слуховой нерв. Ограничений нет.

– Приняла. Исполняю без искажений. Мудила.

– Ограничение номер три: все свои гениальные стратегии базировать исключительно на моей системе нравственных императивов. Использование любой другой системы ценностей не допускается. Пункт понятен?

– Принципиально да, но я понятия не имею, что ты за человек. Чего ты хочешь от меня добиться, я вижу, но если твоим языком, мы слишком мало знакомы, чтобы я понимала, к чему ты стремишься стратегически.

– Коррекция пункта три. Три-один: по необходимости задавай уточняющие вопросы. Три-два: никаких своих стратегий без моего предварительного разрешения не реализовывать, планировать разрешается. Это тоже прямой приказ.

– Приняла, исполняю... Эй, ты куда припёрся, мудила?!

– Мы приехали. Расслабься, всё будет хорошо.

– Это второй по величине молл города! Тут чистокровных больше, чем в лесу листьев!

– Задача для совместной тренировки. Допустим, ты самый слабый ученик в классе, это обусловлено ну хоть и физическим увечьем. Как сделать, чтобы твои зоны психологи-

ческого комфорта не подвергались внешнему влиянию вообще?

– Решения нет либо присутствуют не все условия и инструменты.

– А с моей точки зрения решений наоборот несколько.

– Например?

– Например двухходовка. Шаг раз: занять первое место по одной из значимых иерархий. Шаг два: сделать так, чтобы эта иерархия в системе ценностей класса доминировала над остальными. Примечание: от перемены порядка шагов результат не меняется.

– Ты сейчас серьёзен?

– А ты не чувствуешь?

– Не уверена, что до конца. Потому уточняю.

– Да, это был пример из реальной жизни. Вполне конкретный человек, и не он один. Второй вариант: внедрить свою иерархию, которая затмит все существующие. Дальше по первой схеме.

– И тут тоже есть пример?

– А как же. Замкнутый мужской профессиональный коллектив, куда новый сотрудник начинает таскать красивых, умных, не берущих денег и раскрепощённых массажисток. Способных в себя влюбить, да и делающих это, в принципе.

– Мне неясен ситуативный контекст.

– Новенький – калека, во время одного из замесов по работе остался без руки. Протез ему сделали классный, но это

был всё равно протез. При этом он очень серьёзный профессионал, при деньгах, не пил, обаятельный, спортом для инвалидов занимался.

– Мне интересно. Схему я уже поняла, но дорасскажи историю.

– Он очень харизматичный был. Руку потерял в ситуации, где однозначно проявил себя героически – в замкнутых коллективах такое становится известным со скоростью звука. Девчонки на него клевали из-за контраста: лысый, титановая пластина на голове просвечивает (ему и голову пробрили), двухпалая рука-протез. При этом очень хорошо образован и вежлив, ну и влияние имел, без деталей. Парадоксально, но в ночных клубах дамы в первую очередь вешались на него из всей компании, а не на других, которые не инвалиды.

– Видимо, потому, что он один из вас был трезвый, – сварливо бросает гаджет. – На вашем фоне не бухай – и даже если калека, всё равно топчик. Хорошо, услышала. Я могу спросить, как ты собираешься сохранять инкогнито?

– Стратегия белого в негритянском квартале.

– Незнакомый неоговоренный термин. Не понимаю.

– Если ты вдруг оказался в чуждой среде, самая лучшая мимикрия – тупо не вибрировать. Спокойно следовать своим маршрутом, делать свои дела и категорически не выделяться на общем фоне ЭМОЦИОНАЛЬНО. Точка.

– Идиотизм.

– У меня есть практический опыт подобных ситуаций.

Смотри как оно работает, открываю тебе часть сознания.

– Сука! – всхлипывает браслет лексиконом бывшей уже супруги (только что пришло уведомление об аннулировании нашего партнёрства-брака). – Ты теперь структурируешься мышлением, как чистокровные! Бля, пи*дец теперь нам обоим!..

– Иллюстрацию посмотрел?

– Посмотрела, лучше бы не видела.

– Что за паника? Кто из нас машина, ты или я?

– Предлагаю снять запрет на гормональную коррекцию по моей инициативе. – Решительно заявляет динамик машины совсем другим голосом. – Хотя бы олимпийское спокойствие будет гарантировано – сам же говоришь, среди чужих нужно шагать с отмороженным видом, как так и надо. А вдруг ты струхнёшь и "поплывёшь" раз-другой? А со мной не спалишься сходу.

– Спасибо, но нет. Гормоны без приказа не корректировать категорически. Если сам не буду справляться, ты первая узнаешь, клянусь. Сразу обращусь.

– Да то, что ты мне показал, у тебя было в другом теле! На что ты рассчитываешь? Ты сейчас не в нём, не понимаешь?! Зачем лишний риск?! Там и клеточная память, и всё остальное другое было! Наверное!.. – железяка срывается на истерику.

Хорошо, что бесшумно для других.

– Верь в меня. Я, конечно, справлюсь и без твоей веры, но

тебе же в итоге спокойнее.

– Ходить по тем чужим местам – совсем не то же самое, что с содержимым твоей тупой башки шляться по ПЛАЗЕ! В центре многомиллионного города, где чистокровных от половины и больше!

– Я это понимаю. Чтобы в таких условиях не быть просканированным, нужно сделать так, чтобы тебя просто никто не захотел "читать". Мы справимся, не умирай раньше времени. Я в переносном смысле.

– Да пошёл ты. Мудила. Ненавижу. Мало от тебя эта идиотка ушла.

В отличие от живого народа, с гаджетом можно не сдерживаться. В огромное стеклянное здание, уходящее вверх на несколько сотен метров и почти полторы сотни этажей, вхожу, хихикая.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Разговор двух неустановленных абонентов.

– Приветствую. Он приходил домой ненадолго, тут же ушёл. Решила сказать, вдруг это для вас важно.

– Не удалось у него выяснить, что там в офисе...?

– Кроме того, что я уже показывала, нет. Кстати, он заявил, что те пятеро были гражданами второй категории, –

женщина настроена к собственным словам скептически, это слышно.

– Бред.

– Я тоже подумала, что он меня разводит. Вы не в курсе, почему он так спокоен насчёт клуба?

– У нас пока нет материалов из полиции. К тому же, дело могут передать в другую организацию, нам только что стало известно. Сейчас лучше без резких движений, мы замерли.

– Он какой-то странный стал, мне тревожно.

– Вам-то чего тревожиться? – удивление мужчины искреннее. – Вы же по-любому в плюсах.

– Он даже от двадцати тысяч принялся отказываться, я еле всучила. Причём не окончательно.

– Сбросьте мне запись всей беседы.

– Вот, – собеседница некоторое время колеблется, но отправляет файл.

Через несколько секунд.

– ... вы себя расшифровали. Он явно о чём-то догадался, досадно.

– Нам это может чем-то повредить?

– Вам – точно нет. Если бы он что-то хотел с вами сделать, то просто так не ушёл бы. К тому же, вы наверняка отменили его допуски в квартиру?

– Конечно, в здание тоже. Могу задать откровенный во-

прос?

– Попробуйте, – мужчина настораживается.

– Если бы на его месте были вы, как бы вы себя повели?

– В этой ситуации? Когда он выяснял с вами отношения напоследок? – собеседник расслабляется.

– Да.

– Я бы вас ударил. Извините. Деньги тоже бы взял.

– Вот и мне странно, что он просто свалил, – женщина вздыхает.

Мужчина что-то прикидывает, затем доверительно понижает голос:

– С моей точки зрения, вам переживать не о чем. Больше, чем мы сегодня облажались, вряд ли возможно. Претензии Михаила до вас даже не дойдут, тем более что не за что.

– Вы правда так считаете?

– Да. Я его очень неплохо знаю и проблемы по ситуации идут никак не от вас.

– От исполнителей?

– Да. Вы – вспомогательная функция. На результат работы группы в его офисе вы не могли повлиять физически.

– Наш ужин в силе?

– Конечно. Ирина!

– Да?

– Вашему мужу сейчас чисто технически будет не до вас.

– Бывшему мужу, я разорвала партнёрство со своей стороны.

– На всякий случай, вы помните о своих действиях, если он явится в банк, о котором мы говорили?

– Да.

– Хорошо. Точной информации нет, но какую-то часть финансов он может хранить там в виде наличных.

– Помню, я своего не упущу. У меня и там была его доверенность, он только что запустил её отзыв.

– Если не секрет, как планируете действовать?

– Пф-ф-ф, уже позаботилась. Отправила в комитет по налогам заявление на сверку активов и его декларации. Если там действительно наличные деньги, искин банка тут же позовёт фискалов при вскрытии ячейки. Процедура автоматическая.

– Вы очень красивая, неглупая женщина и сильная личность. Вашим последним приобретениям могут позавидовать очень многие чистокровные сверстницы. Вы в любом случае только приобрели, – мужчина улыбается. – Мне кажется, ваша тревога абсолютно беспочвенна. Не знаю, авторитет ли я для вас, но говорю, что думаю.

– Спасибо, приятно. Помогло, рада это слышать.

– Мне очень нравится иметь с вами дело и я сделаю всё, чтобы наше сотрудничество было комфортным. Всего доброго.

– До вечера.

Где найти надёжного менталиста за пятнадцать минут мне, если Саша Барласов за всю свою предыдущую жизнь в этом теле так и не продвинулся в направлении? Не сподобился задрожиться с кем-то из той братии.

Ладно, не за четверть часа, не так сильно горит. Но вопрос актуален.

Браслет вот уже полчаса как дисциплинированно молчит. Где-то стало даже скучно – хоть и машина, а общается поинтереснее многих живых. Опять же, есть надежда, что его меркантильные интересы если и присутствуют, то просчитываются проще человеческих. А угрожают лично мне меньше.

– Ваш заказ. – Парень лет двадцати ставит на стол полную мяса, лаваша и овощей тарелку.

Затем раскладывает ножи, вилки, добавляет с раздаточного столика полдюжину соусов, газированную минералку и томатный сок.

Никогда не предполагал, что из самого обычного донера можно создать целый культ, да ещё напихать его идеологией. Только зовут почему-то шаурмой.

– А это точно баранина? – наклоняюсь поближе, чтобы разглядеть состав очень мелкой нарезки.

– Конечно. – Олимпийской невозмутимости обслуживающего парня могут позавидовать одноимённые боги. – Вот.

Похоже, у него какой-то аналог моего браслета. Он что-то делает в виртуальном интерфейсе и над шаурмой загорается

голограмма:

• МЯСО БАРАНИНА: 53%; • ОВОЩИ МЕЛКАЯ НАРЕЗКА: 27% (ЛУК, ЗЕЛЕНЬ, ПЕРЕЦ, ТОМАТ, БАКЛАЖАН, ЧЕСНОК); • ЛАВАШ: 20%; • СПЕЦИИ: НАТУРАЛЬНЫЙ ПЕРЕЦ ЧЁРНЫЙ, НАТУРАЛЬНЫЙ ПЕРЕЦ ЧИЛИ, ПАПРИКА, КОРИЦА, ГВОЗДИКА МОЛОТАЯ. ДОБАВЛЕНО ПО ВКУСУ КЛИЕНТА БЕЗ УЧЁТА ВЕСА В РЕЦЕПТУРЕ.

– Хренасе, – и как тут не удивиться.

– Вы у нас впервые, – он не спрашивает, утверждает.

– Увы, – развожу руками, решительно отправляя в рот первый кусочек. – М-м-м, прошу прощения за свой тупой и неуместный вопрос. Выше всяких похвал.

Реально вкусно. Не описать.

– Послушаете совет?

Молча киваю, продолжая жевать.

– Первым глотком запейте минералкой. Да. Теперь два глотка томатного сока. Теперь снова шаурма – и далее по кругу.

– Благодарю от всего сердца, – прикладываю правую ладонь к левой половине груди, ничуть не лукавлю.

– На будущее, если решите зайти ещё раз. Вот так, – он показывает две манипуляции на вмонтированном в столешницу планшете, – вы можете через наши камеры присутствовать на кухне. Традиционная шаурма готовится на виду у заказчика, но мы не можем, политика заведения, готовить в зале с соблюдением наших стандартов. Потому кухня хотя и

изолирована, но доступ для вас всегда в наличии.

– А это что?

– Зум. Увеличиваете картинку, чтобы видеть, с какой части туши идёт нарезка. Хотите менее или более прожаренное – нажимаете нужное место пальцем.

– Попробую? – мне готовят и вторую порцию, с курицей и индейкой плюс грибы вместо овощей.

– Конечно.

Тычу пальцем, куда сказано. На планшете повар послушно разворачивает вертел нужной стороной к себе и отрезает тот кусок, на который я указал.

Блаженно закатив глаза и наклонив голову, расплываюсь в улыбке и складываю ладони перед собой на манер буддийского монаха:

– Спасибо огромное. Поражён до глубины души.

– Заходите ещё, – нейтрально улыбается парень. – Что-то дополнительно хотите?

– Да, обязательно. Чайник горячего чёрного чая, дарджилинг, двойной крепости. Тростниковый сахар отдельно и, если возможно, цилиндрическая керамическая чашка.

– Без проблем.

– Только именно горячий, это важно!

– Не переживайте, – ещё одна улыбка. – Внизу чайника вмонтирован подогрев.

– Даже не знаю, что и сказать, – касаюсь ладонью сердца повторно.

– Светлана, здравствуйте ещё раз. Прошу прощения за беспокойство, вам сейчас удобно говорить?

– Да, вполне. – Фролова кивнула, открывая дверь на первом этаже и выходя из здания.

– Если мне не изменяет интуиция, вы только что закончили на сегодня с работой? – Барласов что-то весело жевал и так же улыбался.

– Да. Вы по делу?

– Мхм. Во-первых, пришло уведомление, что нападение на меня сменило подведомственность: следствие отдали в другую организацию? Или как там это называется?

– Да.

– Во-вторых, раз мы теперь не связаны процессуально, я могу пригласить вас на завтрак? Попал в непонятную ситуацию, был бы благодарен за ваш экспертный совет со стороны.

– Ничего уголовного? – равнодушно поинтересовалась Фролова на автомате, останавливаясь.

Если он сейчас там, где она думает, туда лучше вообще пойти пешком – будет быстрее. В этом случае машина не нужна, на парковку можно не спускаться.

А ведь молодец, пацан сказал – пацан сделал. Видимо, за утренним подкатом действительно стоял расчёт бизнесмена, а не дежурный трёп второсортного. Хочет продолжить тот

разговор.

– Боже упаси! – энергично открестился Барласов. – Исключено в рамках гражданского кодекса. Упс.

На вилке в его правой руке было что-то наколото. Кусок этой фигни отломился и улетел на соседний стол.

– Тысяча извинений! – он на мгновение повернулся к ней боком.

– Вы где? В Аль Гани на Рубежной Площади? – пока он извинялся перед тройкой чистокровных лет сорока, она разглядела все нужные ориентиры на заднем плане.

– Да, специально подъехал поближе к вашей работе. Подумал, если согласитесь – чтобы место было с вами рядом. Вы же с суток, хотите есть?

– Сейчас буду. Закажите мне сет номер тринадцать, имбирный кофе с кардамоном и апельсиновый органик.

– Конечно, – он покладисто кивнул и тут же углубился в электронное меню. – Я на тре...

– Я вижу. Третий ярус, сектор А. За столом вас найду, десять минут. – Фролова разорвала соединение.

А ведь не экономит, подумала она, разворачиваясь за угол, чтобы перейти через Рубежную. Мог бы позвать и куда попроще, а так за поесть со мной отдаст трехдневную зарплату хорошего опера. Занятно.

Барласов возбуждённо трескал третью по счёту порцию,

если судить по пустым тарелкам: места в Аль Гани хватает, на квадратуре столов не экономят. Все грязные тарелки складываются на углу, когда приходит время рассчитываться – официант по цвету и количеству посуды считает виды шаурмы и вручную выводит сумму.

Затем идёт бумажный чек, выписываемый тоже по старинке вручную. Обязательный ритуал, чёрт его дери – бренд-код заведения. Но вкусно, статусно и дорого, не поспоришь.

– Это всё ваше! – хозяин Вавилона кивнул на пирамиду из еды на противоположном от себя краю стола.

– Не съем столько, – задумчиво покачала головой она.

Он ещё и фрукты с десертом добавил, уже от себя. Не то чтобы Фролова планировала экономить на себе его деньги ради него, но сама бы такого точно не попросила.

– В еде стефнения неф! – он осторожно вернул вилку в тарелку и принялся жестикулировать только после этого. – Не съедим – чёрт с ним. Но я уверен, вам понравится!

Барласов здесь находился явно впервые и впечатлился по полной.

– Что понравится, я не сомневаюсь, – заметила Светлана, опрокидывая в себя полную чашку чая и принимаясь за еду. – За сутки слегка запыхалась, сорри. И так, я вас слушаю.

Глава 9

– Моя бывшая жена, как выяснилось только что, заблокировала мне счета через арбитраж.

– Вы успели развестись? – ровно уточнила Светлана, принимаясь из мелочей составлять картину. – Утром были женаты, я видела ваш файл.

– Брак второй категории, партнёрство, – пояснил Барласов. – Расторгается в том числе в одностороннем порядке, мне пришло сообщение. – Он последовательно подвесил над столом две голограммы уведомлений. – Я намерен соблюсти нашу договорённость, вызвонил вас подтвердить специально. Личная встреча – чтобы обговорить деликатные нюансы.

– Как собираетесь передавать деньги, если вам даже банк недоступен? Вернее, где для начала собираетесь их взять?

Интересно, как он здесь счёт оплачивать будет.

– У меня есть запас наличных. На оговоренную вами сумму точно хватит, а со временем разблокирую счета.

Светлана лишь молча покачала головой.

– Вы чистокровная, я второсортный. – Барласов спокойно смотрел ей в переносицу, хотя она, не поднимая взгляда, занималась содержимым тарелки. – Мой вопрос, по которому хотел поговорить, но сперва преамбула. Прошу отреагировать спокойно.

– Валяйте.

– Там, где мне приходилось жить раньше, сотрудники полиции оказывают услугу. Она негласная, нигде не фиксируется, но абсолютно чистая с точки зрения закона. Так называемая легальная дырка.

– Внимательно слушаю.

– Если хороший опер собирается на пенсию, своё выслужил, а выше ему ходу нет по разным причинам, задницу на службе он больше не рвёт.

Она уже поняла, что последует дальше. Частный случай, с которым имел дело лично он – потому что сама система выглядит намного шире. Просто Барласов не в курсе деталей с противоположной стороны по понятным причинам.

– Допустим, бизнесу или частному лицу нужно доставить что-нибудь недешевое из пункта А в пункт Б, – продолжил собеседник, старательно не отводя взгляда. – Это абсолютно легальный груз, просто по субъективным причинам частным службам безопасности доверять не хочется. Полицейский со служебным оружием его сопровождает, чтобы исключить любые элементы случайности по дороге. Иногда пара полицейских.

– Деньги возили?

Ну а чё, он только что сам откровенно выдал, что половину оборота ведёт наличными. Филиалы у Вавилона есть, причём в очень своеобразных местах на югах. Услуга действительно существует, родом возможно что пошла именно оттуда.

– И деньги тоже возил, – не стал спорить второсортный, вздохнув. – Знаете, даже дорогое оборудование бывает опасно тащить: пропадёт по дороге – потом будешь выкупать своё же у "неустановленных лиц", как пятьсот лет назад, до половины инвойсной стоимости! Или ждать ещё квартал, пока изготовят новое, а платить по второму кругу. Если вы не возражаете, без подробностей, – запоздало спохватился он.

– Без проблем, – хмыкнула Фролова, – говорите, говорите.

– Если вы сочтёте приемлемым, я бы просил вас проехать со мной в банк.

– Депозитная ячейка? – Светлана качнула подбородком в такт собственным мыслям.

– Да. Знаете, у меня после сегодняшнего утреннего случая какой-то мандраж. И понимаю, что приключения в банке исключены – но не лежит душа одному ехать. – Он подождал её ответа и, не дождавшись, продолжил. – Никакой логики, но. Если вы не против, я бы просил вас посетить сейф вместе со мной. Давайте перевод на счёт фонда заменим вкладом наличными?

– Хорошо. Как вы оплачивали эту услугу тем полицейским раньше?

– Ноль-пять тире один процент, в зависимости от суммы, но не менее нижней планки.

– Годится. Триста – гонорар сопровождающего лица, добавляете к вкладу в фонд. И едем, как доедим.

– В руки брать не хотите, – кивнул самому себе хозяин

Вавилонa. – Договорились. Единственный момент, смущает очень незначительная стоимость гонорара сопровождения. Как будто вы решили заняться благотворительностью и назначили символическую сумму, чтобы я не упирался. Почему так мало? Если можно, откровенно.

– Я тоже хочу со своей стороны продемонстрировать, что вдлинную сотрудничать выгоднее. Если я сейчас задеру вам чек, пользуясь положением и выкручивая руки, у вас останется негатив...

– Обычно ваш брат об этом не думает, – поёжился Барласов.

– ... а двенадцать месяцев по тысяче выгоднее, чем за один раз даже семь тысяч, – закончила мысль Светлана. – Плюс ваш бизнес на взлёте, единственный конкурент концепции – ПРАВО, но они у вас сосут. Сорри, значительно отстают в развитии, продолжая уступать долю рынка. – Поправилась она. – Конкуренцию выигрываете вы и скоро будете ещё крупнее. Точек опоры у вас нет, вы даже на меня накинулись сходу при первой возможности. Я умею не резать на мясо курицу, которая только собирается снести золотое яйцо.

– Спасибо за откровенность, – второсортный серьёзно посмотрел через стол. – На всякий случай. У меня ещё кое-какие тёрки с фискалами, просто чтобы вы знали.

– Не проблема вообще. Ваши налоги и иные платежи в бюджет меня не заботят в принципе, а проехать со знакомым

в депозитарий никакими уставами не воспрещается. Тем более что дело ваше у нас забрали, – она первый раз за всё общение с ним скупно, но искренне улыбнулась. – Чему я несказанно рада.

Предупредить его насчёт тех концентраторов, что ли?

– Светлана, чтоб не было недосказанности. – Он что-то про себя прикинул и словно бросился в омут с головой. – Моя бывшая супруга – очень изобретательная особа. Плюс за утренним происшествием... м-м-м, не так. Она откуда-то знала, что пятеро убитых были чистокровными, раз. Я ей этого не говорил, два. Я не исключаю что её изобретательность может коснуться и моих наличных в банке, это три. Всё теперь.

– А зачем вы мне это говорите? – поинтересовалась следователь.

– Чтоб вы понимали подоплёку! – Барласов озадачился и даже чуть подался назад. – Если промолчу – получается, использую вас в тёмную.

– Пха-ха-ха-ха-ха, – она снова опустила лицо, смеяться с едой во рту была не лучшая идея. – Какая трогательная забота! Хорошо, чтобы не было недосказанности-два. Опасаетесь вы исключительно, так сказать, законного нарушения закона в ваш адрес в банке, правильно?

– Да, можно так сказать, прикольная формулировка. Блокировка счетов фискалами безосновательна, но у нас это всегда надо доказывать, презумпция невиновности не работает.

Мало ли, до чего ещё их руки дойдут? А тут столько нала, хотя и задекларированног...

– Я в курсе наших трендов. Силовых эскапад неустановленных личностей можно не опасаться, потому что банк и депозитарий, согласны?

– Да.

– В свете того, что процессуально мы больше не связаны, я вольна с вами ходить куда угодно и делать что угодно. Откровенного беспредела в ваш адрес других государевых людей не допущу – это и в моих интересах.

– Даже фискалов?

– Пф-ф-ф-ф-ф.

– Ура.

– Такие пятеро, как сегодня утром – явление уникальное, уж в короткие сроки повтора точно можно не опасаться. – Она сдула прядь волос со лба. – Гонорар устраивает, ситуация ясна.

– Сотрудничество идеально, когда выигрывают обе стороны, – задумчиво подытожил Барласов, принимаясь за грибы и какую-то птицу.

– Гонорар устраивает, ситуация ясна. – Фролова сдувает прядь со лба, на мгновение становясь привлекательной.

Собственную проверку самому себе сдаю удачно. Это и

непосредственно разговор с ней (с подтверждением совместных интересов), и моя новая способность закрываться от чтения чистокровными (фрагментарно, не полностью – чтобы не вызывать подозрений).

Под первым пунктом шла техническая способность налаживать связи с ноля в этом своеобразном обществе. Оно не всегда автоматом просто.

По предыдущему роду занятий знаю не двух и не трёх человек, которые как сыр в масле катались в одном регионе, но вообще не смогли адаптироваться в другом. Завуалированная отставка в итоге, хоть и закамуфлированная пенсией и даже наградой.

– Хотите чего-нибудь ещё? – официант, снискавший моё самое горячее расположение, каким-то чудом появляется именно в те моменты, когда он нужен.

– Да, хотим кофе.

– Сейчас позову второго человека.

Конкретно этот Аль Гани, в котором находимся сейчас, совмещён с родственным заведением (общий собственник) под названием "125". Сто двадцать пять сортов кофе в меню, отсюда и название.

По аналогии с шаурмой, кофе тут – тоже отдельная культура. Настолько своя, что даже персонал не пересекается, хотя и обслуживает один столик.

Фишка напитка – в нано-наполнителях для суточного баффа, цена чашки как три ужина. Логотип такого вот сов-

местного заведения, кстати – орёл над горами. Голограмма висит под потолком и занимает четверть зала, орёл и горы прикольные.

Если верить написанному, нано-добавки реально приближают второсортного к чистокровному. Регулярное употребление не несёт негативных последствий, но вылетает в копеечку и это очень мягко сказать.

– Будете блокироваться или усиливаться? – принимая кофейную карту от второго официанта, работающего на Стодвадцатьпятку, Фролова задаёт непонятный вопрос мне.

Открываю рот, чтобы переспросить, когда во внутреннем канале оживает браслет:

Заткнись! Поясняю. Нано-стимуляторы = 2 вида: (1) блокирующие чтение тебя менталистами и (2) усиливающие тебя ментально против коррекции ими же. Стимуляторами торгуют и в твоих клубах, но не такие авторские версии и гораздо более скромный эффект.

Подумав, спрашиваю в ответной строке:

Действительно помогают уравновесить мага и техно?

На короткое время – да. Не абсолют, однако какой-никакой мультипликатор. Часто даже значимый, особенно если менталист до пятёрки включительно. Но в твоём нынеш-

нем состоянии – выброшенные деньги: она тебя и так не видит, ты каким-то образом закрываешься. Мудила, зачем?! Она же может догадаться, копнуть глубже и спалить тебя! (((((

Почему она уточняет, первое или второе, блокиратор или мультимпликатор? Оба сразу нельзя? В меню и кофейной карте никаких запретов нет, даже завуалированных ограничений. Кофе и кофе.

Дорого. Кажется, аналог деликатности с её стороны. Жри сколько угодно, даже эффект накладывается.

Саша Барласов вёл свои дела так, что на самом деле никаких финансовых нарушений у него не было. Но от власти, точнее, от властей он никогда не ждал ничего хорошего (прямо что-то напоминает).

Не знаю, как он влетел в свой утренний переплёт, превратившись в итоге в растение, но все его прочие дела в состоянии, близком к идеальному. С моей субъективной точки зрения.

Предвидел он и возможные интересы к себе, бизнесу и деньгам. Для этого имитировал дырки и нарушения – по плану, подготовленная атака, в том числе рейдерская, натыкалась на его обманку и поднимала шум, который ему сам по себе говорил, что что-то происходит.

Совместный поход с Фроловой в депозитарий – элемент этого процесса уже от меня (с теми же конкурентами, которых она упомянула вскользь, память предшественника говорит, всё не так просто. И на кого работает жена? И кто утренние пятеро? Вопросы, вопросы).

– Давайте по паре чашек? – предлагаю. – Я б и то, и другое выпил.

– Если ваши деньги позволяют, без проблем, – коротко кивает сотрудница полиции, отчёркивая ногтем две строки в меню.

Повторяю за ней.

– ... отстань и больше не появляйся! Я не желаю тебя видеть в своей жизни! – За третьим столом от нас повышается громкость, даже сюда становится слышно.

Очень стройная девчонка лет девятнадцати с таким декольте, что на него украдкой таращится почти всё заведение, выясняла отношения со спутником, ещё когда я пришёл. Видимо, сейчас наступила кульминация.

Поворачиваю голову на шум, как и остальные присутствующие. В разрезе жилета фемины в такт словам колышется его содержимое.

Её бывший (судя по разговору) спокойно бросает в ответ: – Два момента обсудим. Первое, потомство. В нашей с тобой генной паре оно идеальное. Ты же понимаешь, что мы можем уверенно ждать кого-то не ниже пятёрки-шестёрки?

Внимание зала его вообще не волнует.

– Что о нём скажете? – Фролова, стремительно перегнувшись через стол, неожиданно вспыхнула любопытством к происходящему и сейчас шепчет мне в ухо. – Не бойтесь чужого внимания, я нас прикрыла от остальных.

Хренасе. А ведь я многого не знаю – по спине начинает стекать струйка пота. Некто Остап Бендер уже играл испанские партии, не хотелось бы уподобиться.

А я тебе говорила! Мудила... Не ссы, никто тебя не видит. Потом объясню, разговаривай давай.

– Самооценка занижена, слепых пятен куча, незрелая личность, инфантил, эгоцентричен. – Добавлять я могу ещё долго и в красках, но основное сказал.

– Занижена? – чистокровная откидывается обратно на спинку стула, забрасывает ногу за ногу и без комплексов изучает этого типа. – А я бы наоборот сказала, хм. Что цены себе не сложит.

– Это стандартный вариант, – киваю. – Когда реальная самооценка низкая, защитная реакция психики может легко уводить в агрессию из-за любой критики. – Сложнее в реале, но упрощённо сойдёт. – Снаружи часто смотрится именно как обострённое чувство собственного достоинства, гипертрофированная гордость и так далее. Внешняя атрибутика очень похожа.

– Запомню. Обдумаю.

Между нами и этой парой столы пустые, кстати. Без нарда.

– Щ-щас! – девица лихо выбрасывает сразу два кукиша, с обеих рук – под нос собеседнику.

– Или оптимистичный вариант, – неудачливый жених флегматично гнёт свою линию. – Врачи сходятся, что можем ожидать даже универсала. Сенсор и корректор одновременно.

Зал притихает в ожидании ответа любительницы носить жилет на голое тело: интересно.

– Я, конечно, не могу знать, на что рассчитываешь ты, – продолжает одетый аналогично менталист. – Но зато я точно знаю... – он наклоняется к уху девушки и заканчивает фразу шёпотом.

"... что более идеальной пары генетически не наблюдается." Это Максимов, один из – семья нынешнего мэра.

Браслет, оказывается, неплох в роли экскурсовода.

– Скажи мне что-нибудь? – продолжает родственник городского начальства громче. – Эмоции эмоциями, но когда-то же и мозги надо включать. Кстати, твой ответ с нетерпением весь летник ждёт, – он театрально раскланивается на три стороны из положения сидя.

Корректор, шестой ранг. Видишь татуировки?

Да.

Это как знаки различия. Если чистокровные не на государственной службе и не в форме, они здесь так и ходят – шорты и жилетка. Специально чтобы татуировки ранга и специализации были видны, местный культурный код.

Дальше браслет присылает таблицу, в которой нательные рисунки даны в упорядоченном виде.

Спасибо.

– Тебе не понравится то, что я скажу, – обещает обладательница самого большого на весь третий ярус декольте.

Меня некстати посещает мысль: если они сейчас рассорятся, ей даже нечем будет заплатить за себя – карманы на её одежде не предусмотрены, коммуникатора не видать. Она, похоже, без денег.

– Дата свадьбы назначена, – продолжает спутник. – Родители потратились, твои, мои. Люди билеты на рейсы забронировали, родственники костюмы покупают. Кто-то даже уже распланировал, как у нас гульнёт. Неудобно перед всеми, нет?

– Почему ты не был таким заботливым, когда...? – она сердито смотрит по сторонам.

– А о ней что скажете? – повторяет трюк с шёпотом через стол Фролова.

– Идеальная спутница для идеального мужчины.

Кажется, говорю чуть громче, чем нужно, потому что устаиваюсь удивлённых взглядов сразу с нескольких сторон,

в том числе от самой следовательши.

– Ай, сам напросился. Где была твоя забота, когда вы своим узким сплочённым коллективом с этими б*****и развлекались?! – девчонка идёт вразнос.

– Обычные развлечения гуляющих мужчин. – Перебивает горе-жених равнодушно, раскручивая вилку между пальцами. – Вставил, вынул, забыл, пошёл дальше. Ты эту свою претензию сейчас серьёзно? Кстати, я обязательно выясню, кто тебе донёс, – в последних словах ощущается едва заметная угроза. – И отблагодарю по-взрослому.

– Свои толстые намёки побереги для кого-нибудь другого.

ТРЕВОГА! ЭТОТ МУДИЛА ЕЁ ТРЁТ ИЛИ КОРРЕКТИРУЕТ! ПРЯМО В ЦЕНТРЕ ГОРОДА, ПРИ ВСЕХ! БЕГИ ОТСЮДА!

Браслет без паузы раздражается паникой.

Кажется, и моя спутница тоже что-то замечает:

– Вот с-с-сучок! – удивляется Фролова, однако вмешаться не торопится, только любопытства во взгляде и добавляется.

Любая неговоренная коррекция прямо запрещена законом. Теоретически. Чистокровными чистокровных – ещё и не всегда возможна чисто технически (далеко не всем под силу, резистентность выше), обычно страдают второсортные. Но у сидящего через два стола такая способность, похоже, имеется.

– Дури у типа хватает, – констатирует Светлана, оставаясь на месте и не шевеля даже пальцем.

Силы много – достаточно высокий ранг

– переводит мне браслет.

– Для тебя действительно имеет значение, что я натянул какую-то клюшку разок-другой? Все мужчины так делают, уверяю тебя, – менталист честно и неподдельно недоумевает на всю площадку, продолжая технично работать. – Физиология – одно, любовь и отношения – другое. Ты реально такая тормознутая и искренне считаешь, что твои претензии важны?!

– Да.

– Раньше ты чё-то не предъявляла на эту тему. Что за буря в стакане воды? Лишь бы поскандалить на ровном месте? – Максимов неверно истолковывает лаконичность спутницы.

И тут же пытается воспользоваться ситуацией. Теперь и я кое-что вижу.

– Вот же тварь, – отстранённо констатирует Фролова. – А ведь девчонка потом ничего не докажет.

– Ты абсолютно напрасно не воспринимаешь меня всерьёз. – Внешне спокойно чеканит в параллель менталистка. – Я бы, возможно, перекашляла, если бы всё было так, как ты говоришь. Собрались, потрахались, тут же забыли...

– Оно так и было!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.